

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Р.И. Капелюшников

**СПРОС И ПРЕДЛОЖЕНИЕ
ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННОЙ
РАБОЧЕЙ СИЛЫ В РОССИИ:
КТО БЕЖАЛ БЫСТРЕЕ?**

Препринт WP3/2011/09
Серия WP3
Проблемы рынка труда

Москва
2011

УДК 331.522

ББК 65.240

К20

Редактор серии WP3
«Проблемы рынка труда»
В.Е. Гимпельсон

Капелюшников, Р. И. **Спрос и предложение высококвалифицированной рабочей силы в России: кто бежал быстрее? : препринт WP3/2011/09 [Текст] / Р. И. Капелюшников ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. — 68 с. — 150 экз.**

В работе анализируется динамика спроса и предложения высококвалифицированной рабочей силы в российской экономике в 1990–2000 гг. Автор приходит к выводу, что несмотря на огромный приток на рынок труда работников с третичным образованием, спрос на них со стороны предприятий рос в этот период опережающими темпами. Этим объясняется, почему безработица среди работников с высоким образованием оставалась низкой; почему показатели отдачи от образования продолжали удерживаться на высокой отметке; почему доля выпускников вузов и ссузов, занятых по профессиям, не требующим высокой квалификации, в 2000-е годы не росла, а непрерывно снижалась. Однако это не исключает того, что в ближайшие десятилетия соотношение между спросом и предложением изменится и российская экономика столкнется с масштабным перепроизводством дипломированной рабочей силы.

УДК 331.522

ББК 65.240

Kapelyushnikov, R. I. **The Race between Demand and Supply of Skilled Labor in Russia: Who is a Winner? : Working paper WP3/2011/09 [Text] / R. Kapelyushnikov ; Higher School of Economics. — Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2011. — 68 p. — 150 copies.**

The paper examines dynamics in demand and supply of skilled labor in the Russian economy over the transition period of 1990–2000-s. It shows that despite a huge inflow of workers with tertiary education demand for such workers grew in the Russian labor market even faster. This explains why unemployment for workers with high educational attainment remained low; why returns to education continued to be high; why a proportion of college graduates who occupied low-skilled jobs decreased rather than increased. However in the next decades a relationship between demand and supply might radically change so that the Russian economy could face with massive oversupply of highly educated workforce.

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Капелюшников Р. И., 2011

© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2011

1. Введение

В пореформенный период человеческий капитал России прошел через глубокую и масштабную трансформацию. Пути этой трансформации были непростыми, неоднозначными оказались и ее результаты.

Возможно, самый главный вопрос, возникающий при ее обсуждении, — это вопрос о соотношении между спросом и предложением высококвалифицированных работников, т.е. работников, много инвестировавших в свой человеческий капитал и обладающих его значительными запасами. При превышении спроса над предложением рабочие места, требующие высокой квалификации, начинают заполняться рабочей силой с небольшими объемами накопленного человеческого капитала, недостаточно подготовленной к выполнению сложных видов труда. При превышении предложения над спросом рабочая сила с большими объемами накопленного человеческого капитала начинает «оседать» на рабочих местах, не требующих высокой квалификации, где ее знания и профессиональные компетенции остаются во многом невостребованными. И в том и в другом случае общество несет серьезные экономические — и не только экономические — потери; и в том и в другом случае такие расхождения негативно влияют на уровень и темпы роста производительности труда.

Вопрос о том, как в современной экономике России соотносятся спрос и предложение высококвалифицированного труда, остается открытым. В значительной мере это объясняется отчетливо выраженной асимметрией, проявляющейся при его изучении. Анализ предложения дипломированной рабочей силы посвящено множество работ (на некоторые из них мы ниже будем ссылаться). Данные, касающиеся этой стороны проблемы, легко доступны, и динамика предложения реконструируется по ним достаточно просто. Хуже обстоит дело с данными, по которым можно было бы реконструировать динамику спроса. Отсюда — практически полное отсутствие работ, где бы обращалось внимание на эту сторону проблемы. Такой асимметричный подход не вполне корректен с аналитической и далеко не нейтрален с нормативной точек зрения. Велика опасность, что

выводы для экономической и образовательной политики, формулируемые на его основе, во многих случаях могут оказываться контрпродуктивными.

Настоящая работа направлена на преодоление подобного одностороннего подхода. Равное внимание будет уделяться в ней обеим частям «уравнения» — как стороне предложения, так и стороне спроса. Выводы, к которым в результате этого мы приходим, во многом расходятся с общепринятыми представлениями. Исходя из них в заключительном разделе работы делается попытка заглянуть в будущее и представить наиболее вероятные пути дальнейшей эволюции спроса и предложения высококвалифицированной рабочей силы в российской экономике.

Но сначала — несколько терминологических пояснений. Под «высококвалифицированной рабочей силой» мы будем понимать ***работников с высоким формальным образованием***. В терминах Международной стандартной классификации образования (см. Таблицу 1) это работники, имеющие третичное образование типа А (российский эквивалент — высшее образование) или типа В (российский эквивалент — среднее профессиональное образование). Значительные объемы накопленного человеческого капитала открывают таким работникам доступ на верхние этажи профессионально-квалификационной иерархии (отсюда — отсылка к их предполагаемой высокой квалификации). В качестве синонимов мы будем также использовать выражения «дипломированная» и «высокообразованная» рабочая сила¹. Конечно, само по себе наличие высокого формального образования не гарантирует высокого качества такой рабочей силы. Однако из-за ограниченности места вопрос о качестве образовательной подготовки, получаемой российскими работниками, в данной работе затрагиваться не будет².

¹ В последнее время как в академической литературе, так и в средствах массовой информации активно обсуждается проблема предполагаемой или реальной нехватки в современной российской экономике квалифицированных рабочих (т.е. представителей «синеворотничковых» профессий, занятых сравнительно сложными видами физического труда). Во избежание возможных недоразумений отметим особо, что анализ этой проблемы выходит за рамки настоящей работы. Подробнее об этом см. (Гимпельсон, Капелюшников, Лукьянова, 2007; Российский работник: образование, профессия, квалификация, 2011. Гл. 7).

² Развернутый анализ проблемы качества образования представлен в работах (Капелюшников, 2008; Российский работник: образование, профессия, квалификация, 2011. Гл. 1).

Таблица 1. Ступени образования по МСКО-97 и их российские эквиваленты

Название ступени по МСКО-97	Эквивалент в российской системе образования
МСКО 0 – дошкольное образование	Дошкольное образование
МСКО 1 – начальный уровень образования	Начальное образование
МСКО 2 – нижний уровень вторичного (среднего) образования	Общее среднее образование
МСКО 3 – верхний уровень вторичного (среднего) образования	
МСКО 3А – программы предназначены для продолжения обучения по МСКО 5А	Полное среднее образование
МСКО 3В – программы предназначены для продолжения обучения по МСКО 5В	Начальное профессиональное образование на базе основной школы, дающее аттестат о полном среднем образовании
МСКО 3С – программы не предназначены для непосредственного перехода к программам МСКО 3А или МСКО 5В	Начальное профессиональное образование, не дающее аттестат о полном среднем образовании
МСКО 4 – поствторичное (последнее) нетретичное образование	Начальное профессиональное образование на базе полной средней школы
МСКО 5 – первая стадия третичного образования	
МСКО 5А – программы носят в значительной степени теоретический характер и предназначены для занятия профессий, требующих высоких профессиональных навыков	Высшее профессиональное образование
МСКО 5В – программы являются более практически-технически ориентированными	Среднее профессиональное образование
МСКО 6 – вторая стадия третичного образования (ведущая к получению ученой степени)	Послевузовское образование (аспирантура, докторантура)

Источник: Российское образование в контексте международных показателей. Сопоставительный доклад. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 23–24.

2. Динамика предложения

Динамика предложения высококвалифицированных работников может рассматриваться под двумя различными углами зрения – во-первых, через призму «запасов» (т.е. изменений в образовательной структуре рабочей силы, уже присутствующей на рынке труда) и, во-

вторых, через призму «потоков» (т.е. изменений в распределении будущей рабочей силы, проходящей обучение, по типам и уровням системы профессионального образования). Анализ «запасов» дает представление о том, как обстоят дела с предложением человеческого капитала на рынке труда в настоящее время, анализ «потоков» — о том, как они предположительно будут обстоять в обозримом будущем.

2.1. Сдвиги в образовательной структуре рабочей силы (анализ «запасов»)

Со статистической точки зрения человеческий капитал обладает важным преимуществом: для него существуют «натуральные» измерители, которые — при всей их очевидной условности — значительно расширяют возможности анализа. (Для «обычного» капитала такие натуральные измерители недоступны в принципе.) Это, во-первых, доли работников, имеющих образование различного уровня, и, во-вторых, среднее число накопленных лет обучения в расчете на одного человека или одного работника.

В Таблице 2 представлены данные переписей населения 1989 и 2002 гг. о распределении лиц в возрасте 15 лет и старше по уровням полученного ими образования. Из них следует, что в пореформенный период российская экономика продолжала активно подпитываться работниками со все более высокой формальной подготовкой. В межпереписной период среди всего населения доля обладателей третичного образования типа А (как законченного, так и незаконченного) увеличилась на 6, а обладателей третичного образования типа В — на 8 п.п. Для занятого населения кумулятивные приросты были еще выше — 10 п.п. в первом случае и 11 п.п. во втором. Иными словами, удельный вес в общей занятости работников, имеющих третичное образование, увеличивался примерно на 2 п.п. ежегодно. Это исключительно высокие темпы роста, которые достаточно неожиданно обнаружить в экономике, лишь недавно начавшей восстанавливаться после тяжелейшего переходного кризиса.

В результате уже в начале 2000-х годов почти *две трети* российских работников имели третичное образование. В то же время доля малообразованных работников (с основным общим образованием или начальным и ниже) упала до отметки менее 7% (соответственно

Таблица 2. Образовательная структура населения России по данным переписей 1989 и 2002 гг., %*

Группы по уровню образования	Все население в возрасте 15 лет и старше		Занятое население в возрасте 15 лет и старше	
	1989	2002	1989	2002
Высшее профессиональное	11,3	16,2	14,6	23,3
Неполное высшее профессиональное	1,7	3,1	1,3	3,0
Среднее профессиональное	19,2	27,5	24,3	35,7
Начальное профессиональное	13,0	12,8	17,8	15,3
Среднее (полное) общее	17,9	17,7	20,8	16,2
Основное общее	17,5	13,9	13,5	5,6
Начальное общее	12,9	7,8	6,7	0,9
Не имеют начального общего	6,5	1,0	1,1	0,1
Итого	100	100	100	100

* Без учета лиц, не указавших уровень образования.

Источник: Росстат.

5,6% и 1,0%). Фактически можно говорить о почти полном вымывании из российской экономики работников, не пошедших дальше неполной средней школы. Как следствие, очень скоро она может столкнуться с острым дефицитом неквалифицированной рабочей силы: либо ее придется в больших масштабах «импортировать» из-за рубежа, все активнее привлекая мигрантов, либо резко повышать оплату за подобный труд, делая его минимально привлекательным для лиц со сравнительно высоким образованием.

У женщин темпы образовательного апгрейдинга были намного выше, чем у мужчин (Таблица 3). Так, в 1989 г. по доле лиц с высшим образованием среди всего населения женщины еще отставали от мужчин (примерно на 1 п.п.), хотя среди занятого населения они по этому показателю их уже превосходили (на 1,6 п.п.). К 2002 г. женщины превратились в безусловных «лидеров» по охвату высшим образованием как среди всего, так и среди занятого населения. Хотя в первом случае их отрыв от мужчин был относительно небольшим (менее 1 п.п.), во втором он составлял весьма внушительную величину — почти 5 п.п. Это означает, что в относительном выражении обладателей вузовских дипломов насчитывалось среди них на 20–25% больше, чем среди мужчин. Из приводимых оценок видно, что столь рез-

ко выраженная гендерная асимметрия в пользу женщин — явление относительно новое, возникшее лишь в 1990-е годы и фактически еще не существовавшее в дореформенный период.

*Таблица 3. Образовательная структура населения России по данным переписей 1989 и 2002 гг., по полу, %**

Группы по уровню образования	Все население в возрасте 15 лет и старше				Занятое население в возрасте 15 лет и старше			
	мужчины		женщины		мужчины		женщины	
	1989	2002	1989	2002	1989	2002	1989	2002
Высшее профессиональное	11,7	15,7	10,9	16,5	13,8	21,1	15,4	25,6
Неполное высшее профессиональное	1,7	3,1	1,7	3,1	1,9	2,9	2,3	3,1
Среднее профессиональное	16,6	25,3	21,4	29,2	18,6	31,8	28,8	39,8
Начальное профессиональное	18,9	15,9	9,3	10,2	22,1	18,1	13,0	12,2
Среднее (полное) общее	19,8	18,9	16,3	16,8	21,5	17,8	20	14,4
Основное общее	17,9	14,3	17,2	13,6	13,8	7,0	13,2	4,2
Начальное общее	10,7	6,2	13,4	9,1	7,3	1,2	6,1	0,6
Не имеют начального общего	2,7	0,5	9,7	1,4	1,0	0,1	1,2	0,0
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

* Без учета лиц, не указавших уровень образования.

Источник: Росстат.

При этом женщинам удалось сохранить превосходство над мужчинами также и по охвату средним профессиональным образованием, которым они обладали уже в советскую эпоху. В 2002 г., как и в 1989 г., обладателей дипломов ссузов насчитывалось среди них больше, чем среди мужчин, примерно на 5 п.п., если говорить обо всем, и примерно на 10 п.п., если говорить о занятом населении.

К сожалению, данные последней переписи населения 2010 г. об образовательной структуре населения еще не опубликованы и поэтому мы не можем с уверенностью говорить о дальнейших сдвигах, происходивших во второй половине 2000-х годов. Однако данные Обследований населения по проблемам занятости (ОНПЗ) Росстата позволяют сделать вывод, что в эти годы контингент обладателей вузовских дипломов продолжал увеличиваться, причем без каких-либо видимых признаков затухания темпов. Так, из них следует, что в 2008 г. среди всего российского населения в возрасте 25–64 года доля лиц с высшим образованием превысила 25%, а среди занятого вплотную

приблизилась к 30% (Рис. 1). Высшее образование имелось примерно у каждого четвертого работающего мужчины и примерно у каждой третьей работающей женщины. Прирост по сравнению с результатами переписи населения 2002 г. составлял порядка 2,5–3 п.п., что в относительном выражении было эквивалентно росту на 10–15%.

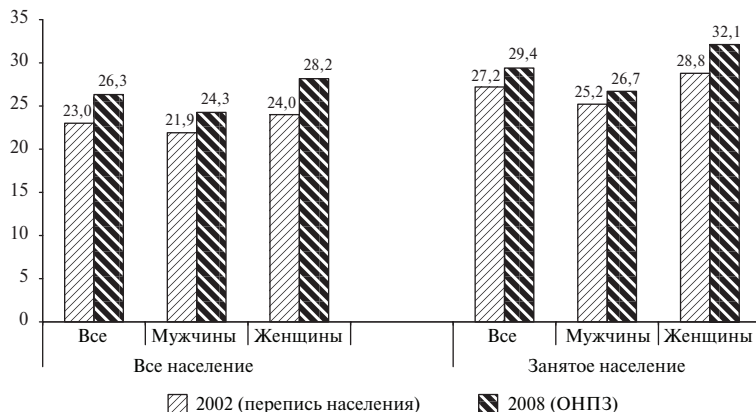

Рис. 1. Доля населения с законченным высшим образованием, по полу, 2002 и 2008 гг., % (население в возрасте 25–64 года)

Источник: Росстат.

О том же говорит динамика другого ключевого индикатора — среднего числа накопленных лет образования в расчете на одного человека или одного работника. Для России единственным источником, позволяющим получать такие оценки на регулярной основе, является Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ).

По данным РМЭЗ, в настоящее время средняя фактическая продолжительность обучения у взрослого населения России (15–64 года) достигает 12,7 лет (Таблица 4). У занятого населения она оказывается еще больше, превышая отметку 13 лет. По этим оценкам, в 2010 г. на одного работающего россиянина приходилось около 10 лет обучения в общеобразовательной школе, более полугода — в системе начального профессионального образования (НПО), свыше года — в ссузах и свыше полутора лет — в вузах. Женщины заметно — почти на целый год — опережали по этому показателю мужчин, что можно

рассматривать как свидетельство их большей предрасположенности к инвестированию в человеческий капитал.

Таблица 4. Среднее число накопленных лет образования в расчете на одного человека, 1995–2010 гг., лет (население в возрасте 15–64 года)

Годы	Все					Занятые				
	Всего	в том числе:				Всего	в том числе:			
		школа	ПТУ	ССУЗ	ВУЗ		школа	ПТУ	ССУЗ	ВУЗ
1995	11,5	9,2	0,50	0,77	1,01	12,1	9,4	0,56	0,87	1,22
1996	11,6	9,2	0,51	0,81	1,02	12,2	9,4	0,56	0,93	1,25
1998	11,8	9,4	0,55	0,83	1,02	12,4	9,5	0,62	0,97	1,26
2000	11,9	9,5	0,55	0,85	1,01	12,4	9,6	0,63	0,98	1,21
2001	12,0	9,5	0,56	0,80	1,12	12,5	9,6	0,64	0,92	1,34
2002	12,1	9,5	0,57	0,83	1,14	12,6	9,6	0,64	0,96	1,36
2003	12,2	9,6	0,59	0,84	1,16	12,6	9,6	0,65	0,96	1,37
2004	12,2	9,6	0,60	0,86	1,17	12,7	9,6	0,65	0,98	1,38
2005	12,3	9,6	0,60	0,86	1,18	12,7	9,6	0,70	0,99	1,41
2006	12,4	9,6	0,59	0,90	1,29	12,8	9,7	0,65	1,01	1,48
2007	12,5	9,7	0,60	0,90	1,30	12,8	9,7	0,66	1,00	1,49
2008	12,5	9,7	0,60	0,90	1,34	12,9	9,7	0,65	0,98	1,54
2009	12,6	9,6	0,60	0,91	1,38	13,1	9,8	0,67	1,05	1,67
2010	12,7	9,7	0,59	0,95	1,44	13,3	9,8	0,64	1,09	1,75

Источник: РМЭЗ.

В динамике среднего числа накопленных лет образования также отмечался устойчивый повышательный тренд. С середины 1990-х годов оно увеличилось более чем на целый год, в том числе у женщин — на полтора года (с 11,5 до 13,0 лет) и у мужчин на один год (с 11,4 до 12,4 лет). В основном этот прирост был обеспечен увеличением средней продолжительности пребывания в учебных заведениях двух типов — общеобразовательных школах и вузах.

В свете международных сопоставлений запасы человеческого капитала, накопленные Россией, выглядят весьма внушительно. Такой вывод можно сделать из данных Р. Бэрроу и Й.-В. Ли о динамике среднего числа накопленных лет образования в 146 странах на протяжении последних 50 лет (Barro, Lee, 2010). Так, в 2005 г. Россия занимала по этому показателю одно из самых высоких мест в мире (Таблица 5). Для населения в возрасте 15 лет и старше средняя фактическая продолжительность обучения достигала в ней 11,3 года

(13-е место в выборке Бэрроу и Ли), для населения в возрасте 25 лет и старше — 11,6 года (также 13-е место в выборке Бэрроу и Ли). Россия не только оставляла далеко позади страны БРИК, но также опережала многие как развитые, так и постсоциалистические страны (в частности, Великобританию, Францию, Японию, Польшу). Ее отставание от мировых лидеров — США, Чехии, Новой Зеландии, Норвегии, Австралии, Германии — было относительно умеренным, составляя от 0,5 до 1,5 лет.

Таблица 5. Образовательный уровень населения в различных странах мира, 2005 г.

	Среднее число накопленных лет образования		Справочно: ВВП на душу населения по паритету покупательной способности, 2005 г., тыс. долл. США*
	население 15 лет и старше	население 25 лет и старше	
Развитые страны			
Франция	9,9	9,8	30,7
Германия	11,8	12,2	31,4
Япония	11,3	11,1	30,3
Великобритания	9,3	9,0	32,2
США	12,9	13,2	41,9
Переходные страны			
Чехия	12,7	13,1	20,4
Венгрия	11,5	11,5	17,0
Польша	9,7	9,7	13,8
Страны BRIC			
Бразилия	7,2	6,6	8,5
Китай	7,6	8,3	4,1
Индия	4,7	4,0	2,2
Россия	11,3	11,6	11,9

* В постоянных международных долларах 2005 г.

Источники: Barro and Lee, 2010; World Bank, 2009.

Как видно из Рис. 2 и 3, российские показатели располагались высоко над линией тренда, отражающей связь между продолжительностью обучения и душевым ВВП. Это означает, что в России образовательный уровень был намного выше, чем в большинстве других стран, относившихся к той же, что и она, доходной категории.

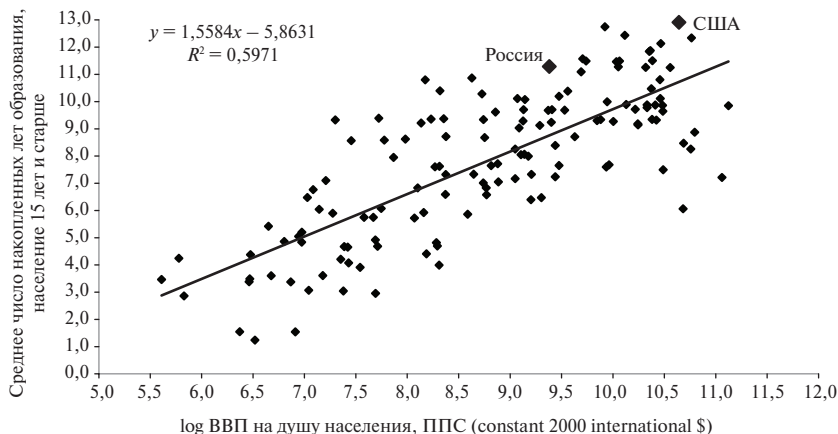

Рис. 2. Среднее число накопленных лет образования населения 15 лет и старше и ВВП на душу населения, 2005 г.

Источники: Barro and Lee, 2010; World Bank, 2009.

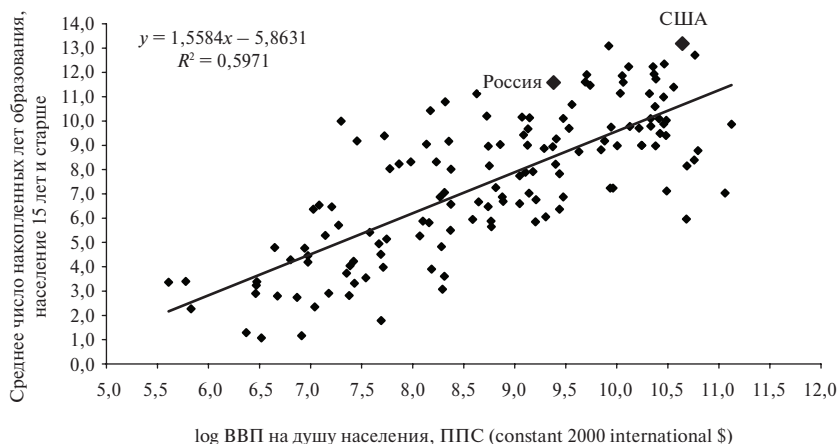

Рис. 3. Среднее число накопленных лет образования населения 25 лет и старше и ВВП на душу населения, 2005 г.

Источники: Barro and Lee, 2010; World Bank, 2009.

Использование альтернативных показателей накопленных запасов человеческого капитала — об охвате населения образованием разного уровня — также подтверждает, что по формальным признакам

Россию можно отнести к числу самых высокообразованных стран в мире (Таблица 6). Так, в первой половине 2000-х годов, среди россиян в возрасте 25–64 года 89% имели образование не ниже верхнего уровня средней школы – лучший показатель среди всех стран, охватываемых регулярной статистикой ОЭСР (ОЕСД, 2005). (Для сравнения: в Бразилии аналогичный показатель составлял лишь 30%.) Еще более поразительно, что в стране с таким сравнительно невысоким уровнем душевого ВВП как Россия свыше половины населения – 57% – имели третичное образование. Это было на 13 п.п. больше, чем у следовавшей за ней Канады, и в несколько раз больше, чем у других постсоциалистических стран, где данный показатель не превышал в большинстве случаев 15%.

Таблица 6. Образовательная структура населения в возрасте 25–64 года, 2003 г.

	Все население				Занятое население	
	доля имеющих вторичное образование верхнего уровня и выше	доля имеющих третичное образование			доля имеющих полное среднее образование и выше	доля имеющих третичное образование
		тип В	тип А	всего		
Развитые страны						
Франция	64,9	9,2	14,2	23,4	71,0	26,9
Германия	83,4	9,9	14,1	24,0	88,0	28,6
Япония	83,9	16,5	20,9	37,4	85,7	39,8
Велико- британия	65,1	8,7	19,3	28,0	74,2	33,7
США	87,5	9,0	29,4	38,4	90,4	42,2
Переходные страны						
Чехия	86,4	—	11,7	12,0	91,8	14,3
Венгрия	74,1	—	15,3	15,4	84,9	19,6
Польша	48,3	—	14,2	14,2	62,4	22,3
Страны BRIC						
Бразилия*	29,5		8,2	8,2	—	—
Китай	—	—	—	—	—	—
Индия	—	—	—	—	—	—
Россия*	89,4	36,1	20,8	56,9	93,7	63,8

* 2002 г.

Источник: ОЕСД, 2005.

Еще благоприятнее выглядела образовательная структура занятого населения: по доле работников с образованием не ниже верхнего уровня вторичного образования (94%) Россия удерживала одно из первых мест в мире, а по доле работников с третичным образованием (64%) вообще являлась мировым лидером. Так, занятых с третичным образованием насчитывалось в ней (в относительном выражении) примерно вдвое больше, чем в Великобритании, Германии или Франции. Для страны с не слишком хорошо работающей экономикой, не так давно вышедшей из глубокой и затяжной трансформационной рецессии, подобное достижение нельзя не признать поразительным. В значительной мере это неожиданное «первенство» России обеспечивалось сверхвысокой пропорцией лиц, имеющих третичное образование типа В (ссузы в российской терминологии)³. Однако и по доле лиц с третичным образованием типа А (вузы в российской терминологии) Россия принадлежала к числу мировых лидеров. Так, среди стран, входящих в выборку ОЭСР, с результатом 21% она делила в 2003 г. 9–10-е места с Японией.

На Рис. 4 и 5 отчетливо видно, что в данном отношении Россия точно так же являлась очевидным «аутлайером», располагаясь далеко в стороне от линии тренда: стран со столь парадоксальным сочетанием показателей душевого ВВП и охвата третичным образованием мировая практика практически больше не знает.

Как уже упоминалось, во второй половине 2000-х процесс образовательного апгрейдинга продолжал идти в России ускоренными темпами, что вывело ее на еще более высокие позиции в мировом рейтинге. Если сравнивать ее со странами — членами ОЭСР, то в настоящее время по охвату высшим образованием мужчин Россия ощутимо уступает только Норвегии, Нидерландам, США, Южной Корее и Японии, а по охвату им женщин — только Норвегии и США (OECD, 2009). Однако с достаточной высокой вероятностью можно прогнозировать, что уже в ближайшее время ей удастся догнать или даже обойти также и эти страны.

³ Нельзя исключить, что существенная часть российского среднего профессионального образования может считаться третичным лишь с известными оговорками: в тех случаях, когда обучение в ссузах предоставляется тем, кто окончил лишь неполную среднюю школу, оно оказывается ближе скорее к вторичному образованию. Но даже если с учетом этого мы отнесем к числу работников с третичным образованием типа В лишь две трети обладателей дипломов ссузов, показатель охвата третичным образованием в России все равно составит порядка 40–50%, т.е. останется на уровне, сопоставимом с другими мировыми лидерами — Канадой и Израилем.

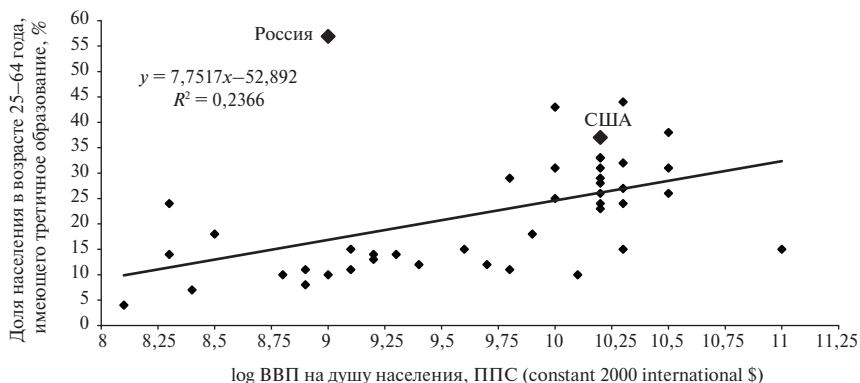

Рис. 4. Охват третичным образованием и ВВП на душу населения, 2003 г.

Источник: OECD, 2005.

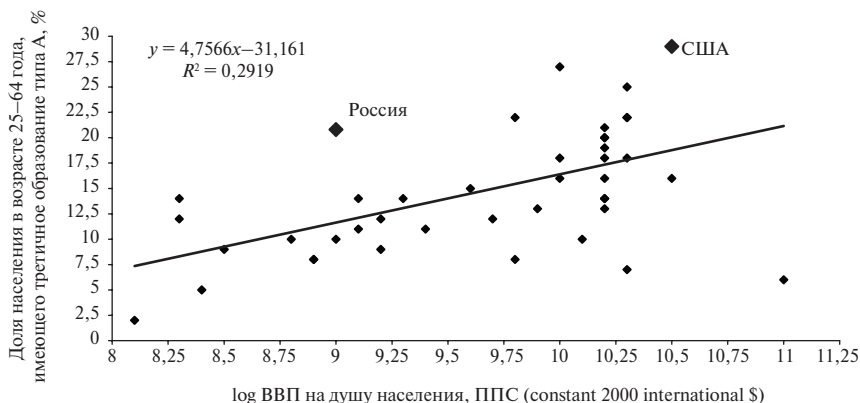

Рис. 5. Охват третичным образованием типа А и ВВП на душу населения, 2003 г.

Источник: OECD, 2005.

2.2. Сдвиги в охвате молодежных когорт профессиональным образованием (анализ «потоков»)

Оценки потоков человеческого капитала, основывающиеся на данных об изменениях в численности обучающихся в системе профессионального образования, рисуют сходную картину.

В России начальная фаза трансформационного процесса сопровождалась оттоком молодежи из учреждений профессионального образования всех уровней — не только начального, но также среднего и высшего. Однако этот отток не был напрямую связан со стартом рыночных реформ, так как начался раньше — еще во второй половине 1980-х годов. И если падение спроса на начальное профессиональное образование со временем действительно приобрело характер устойчивого тренда, то о спросе на среднее и высшее профессиональное образование этого сказать нельзя. После небольшого «проседания» в первые пореформенные годы он достаточно быстро выправился и пошел вверх. Возобновление роста численности студентов ссузов (третичное образование типа В) датируется 1995 г., тогда как студентов вузов (третичное образование типа А) — 1994 г. (Полетаев, Савельева, 2002). Впоследствии расхождения в спросе молодежи на профессиональное образование разного уровня только усиливались.

Если говорить о контингенте учащихся НПО, то за 1990-е годы он сократился на 10 п.п., за первую половину 2000-х годов — еще на 10 п.п., а за вторую половину 2000-х годов — на целых 25 п.п. (Рис. 6). В результате в 2009 г. масштабы обучения в ПТУ были почти вдвое меньше, чем в исходном 1990 г. (1,0 млн чел. против 1,9 млн чел.).

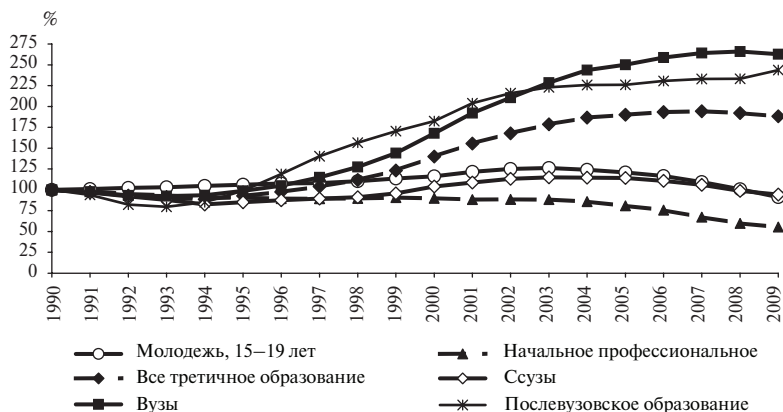

Рис. 6. Динамика численности студентов в учреждениях профессионального образования, 1990–2009 гг., % (1990 = 100%)

Источники: Образование в России, 2002; Образование в Российской Федерации, 2010.

Напротив, контингент обучающихся в учреждениях среднего и высшего профессионального образования за тот же период резко увеличился (Рис. 6). Однако ссузы и вузы оказались затронуты этой экспансией в неодинаковой степени. Абсолютный максимум численности студентов ссузов был достигнут в середине 2000-х годов, когда ее кумулятивный прирост по сравнению с дореформенным периодом составил около 15%. Затем в ее динамике возобладал понижающийся тренд, так что в 2009 г. в ссузах числилось уже на 6% студентов меньше, чем в исходном 1990 г. (2,1 млн против 2,3 млн). К этому нужно добавить, что из лиц, получавших среднее профессиональное образование, далеко не все выходили затем на рынок труда. Окончив ссуз, многие сразу или какое-то время спустя поступали в вузы. Достаточно сказать, что соотношение между ежегодным приемом в вузы абитуриентов со средним профессиональным образованием и ежегодным выпуском из ссузов увеличилось с 0,25 в середине 1990-х годов до 0,7 в конце 2000-х. Иными словами, в подавляющем большинстве случаев учеба в ссузе стала служить всего лишь промежуточным этапом перед дальнейшим поступлением в вуз. Вследствие этого предложение на рынке труда работников со средним профессиональным образованием с определенного момента перестало расти, а затем начало постепенно снижаться.

Гораздо более бурной была динамика численности студентов вузов. За 1990–2000-е годы их контингент увеличился в 2,7 раза — с 2,8 млн до 7,4 млн. (Лишь в 2009 г. появились первые признаки того, что этот восходящий тренд начинает сменяться нисходящим.) Почти так же сильно — в 2,4 раза — возросло и число обучающихся в учреждениях послевузовского образования. Как следствие, масштабы присутствия на рынке труда работников с наиболее высокой формальной подготовкой, о чем уже говорилось в предыдущем разделе, резко возросли⁴.

Возникает вопрос: в какой мере описанные сдвиги были связаны с действием демографических факторов? В России численность когорт в типичных возрастах поступления в учреждения послешколь-

⁴ Мы оставляем без рассмотрения динамику показателей приема и выпуска для учреждений профессионального образования. С небольшими сдвигами во времени назад (в случае приема) или вперед (в случае выпуска) они менялись по тем же траекториям, что и показатели численности студентов. Их подробный анализ для более раннего периода представлен в работе (Полетаев, Савельева, 2002).

ного образования (15–19 лет) возростала вплоть до середины 2000-х годов (кумулятивный прирост — более 25%). Однако значение этого прироста для различных уровней системы профессионального образования было далеко не одинаковым.

Как уж отмечалось, численность учащихся НПО на протяжении всех 1990–2000-х годов почти монотонно снижалась. Очевидно, что это обвальное падение не могло быть напрямую связано с изменениями в численности молодежных когорт. По большей части оно вызывалось иными причинами, а именно — окончательной утратой привлекательности «пэтэушного» образования в глазах российской молодежи. В отличие от этого динамика численности студентов ссузов, как видно из Рис. 6, достаточно плотно следовала за динамикой численности молодежи в возрасте 15–19 лет. Если бы не повышательный демографический тренд, то масштабы обучения в ссузах не только не выросли бы, но сократились бы примерно на 10%. Говоря иначе, в случае среднего профессионального образования ссылку на действие демографических факторов можно считать более чем достаточной.

В случае высшего образования это оказывается не так. Как показывают расчеты, вклад демографических изменений в экспансию высшего образования был крайне незначительным — объясняющим не более $1/8$ кумулятивного прироста численности его студенческого контингента. Наиболее правдоподобное объяснение этого стремительного наплыва в вузы заключается в резко возросшей экономической ценности высшего образования (к подробному обсуждению этой проблемы мы обратимся в последующих разделах).

Вместе с тем начавшееся в последние годы сокращение численности студентов как ссузов (фиксируется с 2005 г.), так и вузов (фиксируется с 2009 г.) можно, по-видимому, считать прямым следствием вступления России в «демографическую яму». Начиная с 2004 г. численность когорт в типичных студенческих возрастах стала быстро сокращаться, уменьшившись к концу десятилетия более чем на четверть. Сперва это почти сразу же потянуло вниз численность студентов ссузов, а затем, с небольшой задержкой, и численность студентов вузов. Кроме того, дополнительное ускорение благодаря этому получил процесс оттока учащихся из системы НПО (см. выше).

Динамика спроса на профессиональное образование характеризовалась отчетливой гендерной асимметрией, которая во многих слу-

чаях носила достаточно неожиданный характер (Рис. 7). Лишь в случае НПО она была почти неразличимой, поскольку резкая утрата интереса к «пэтэушному» образованию примерно в равной степени затронула как мужчин, так и женщин.

Ситуация в ссузах и вузах была иной. Спрос на среднее профессиональное образование со стороны женщин на протяжении большей части 1990–2000-х годов фактически стагнировал. В течение всего этого периода численность женщин, обучающихся в ссузах, оставалась ниже исходного уровня, на котором она находилась в конце советской эпохи. Напротив, спрос на среднее профессиональное образование со стороны мужчин рос, хотя этот рост едва ли можно назвать драматическим. Пик был достигнут в середине 2000-х годов, когда численность мужчин, обучающихся в ссузах, увеличилась по сравнению с дореформенным периодом на 25% (Рис. 7). После этого, как уже отмечалось, контингент студентов ссузов как среди мужчин, так и среди женщин начал постепенно сокращаться.

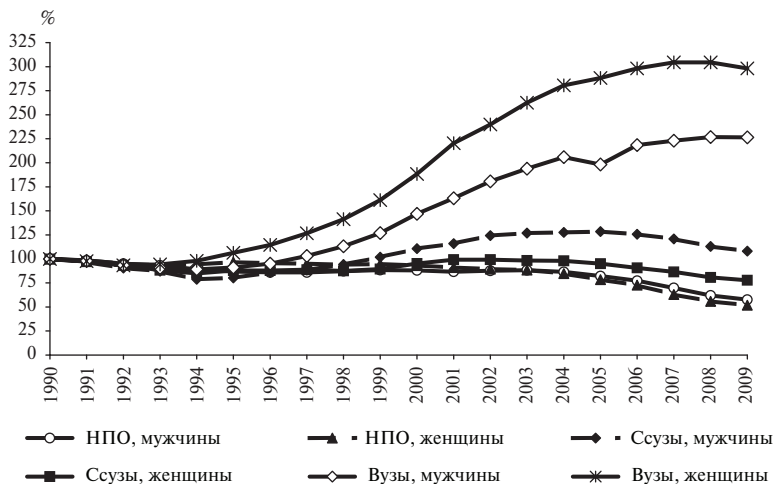

Рис. 7. Динамика численности студентов в учреждениях профессионального образования, по полу, 1990–2009 гг., % (1990 = 100%)

Источники: Образование в России, 2002; Образование в Российской Федерации, 2010.

Хотя отчетливая гендерная асимметрия прослеживается также и в динамике спроса на высшее образование, в этом случае она оказы-

вается обратной. Если за период 1990–2009 гг. численность студентов вузов среди мужчин увеличилась примерно в 2, то среди женщин — более чем в 3 (!) раза. Среди прочего столь значительный гендерный разрыв свидетельствует о несостоятельности популярного тезиса, объясняющего взрывной рост спроса на вузовское образование со стороны молодежи мотивами уклонения от воинской службы.

Несложные расчеты позволяют оценить примерный вклад фактора «призыва» в динамику численности студентов вузов. Известно, что по сравнению с женщинами распределение мужчин, получающих высшее образование, всегда отличалось более сильной смещенностью в пользу очных форм обучения (Рис. 8). Так, в 2008 г. среди женщин на очных отделениях учились 42%, тогда как среди мужчин — 52%. (В 1990 г. аналогичный разрыв также существовал, хотя и был несколько меньше: 56% против 61%.) Это расхождение естественно связать с угрозой призыва: вполне вероятно, что при ее отсутствии многие молодые люди либо вообще стали бы отказываться от получения высшего образования, либо переориентировались бы на его получение в неочных формах. Предположив, что в подобной гипотетической ситуации распределение по формам обучения у мужчин и у женщин было бы одинаковым, нетрудно подсчитать, насколько же велика доля «уклонистов» в общей численности студентов вузов. По нашим оценкам, для начальной точки рассматриваемого периода (1990 г.) она оказывается равной 6%, для конечной (2008 г.) — 8% (Рис. 8).

Очевидно, однако, что получаемые при таком подходе оценки являются завышенными и их следует уменьшить в несколько раз. Трудно усомниться, что даже при отсутствии угрозы призыва многие молодые люди, которые были отнесены нами к категории «уклонистов», все равно не стали бы отказываться от получения высшего образования в очной форме, а те, кто решил бы этого не делать, переместились бы с дневных отделений вузов на вечерние и заочные. Соответственно чистый «эффект призыва» может быть оценен максимум в 2–3% от общей численности студентов вузов. Количественно это совершенно несопоставимо с масштабами притока молодежи в систему высшего образования. Как следствие, мотивы уклонения от воинской службы никак не могут считаться его главным катализатором.

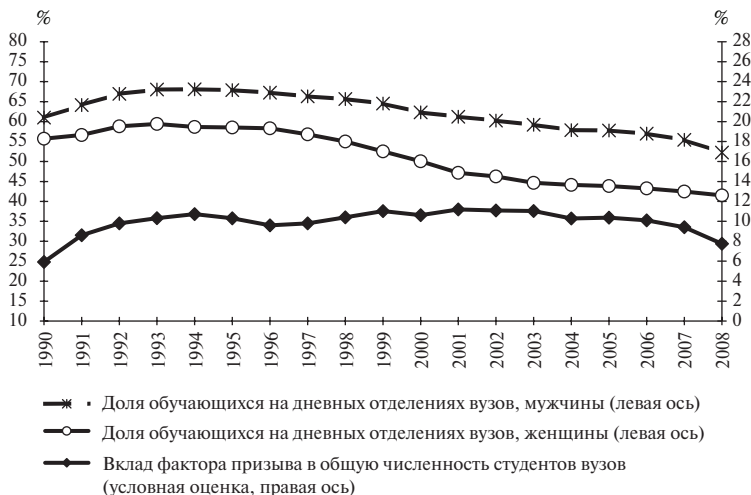

Рис. 8. Оценка влияния фактора призыва на динамику численности студентов вузов, 1990–2008 гг., %

Наиболее общий вывод, который можно отсюда сделать, состоит в том, что переходный кризис не смог прервать действие долгосрочной тенденции к опережающему росту численности лиц с дипломами вузов и ссузов: спрос на такую подготовку продолжал устойчиво повышаться, несмотря на все катаклизмы, которые пришлось пережить России в последнее десятилетие прошлого века.

Возможно, наиболее наглядное представление о радикальности произошедших перемен дают показатели, рассчитываемые как отношение численности принятых в вузы в том или ином году (без учета тех, кто уже имел высшее образование) к численности выпускников полных средних школ в том же году или к численности выпускников неполных средних школ (обязательные 9 классов) двумя годами раньше (Рис. 9). Если в 1990 г. пропорция между приемом в вузы и выпуском из полных средних школ выглядела примерно как 0,5:1, то начиная с 2003 г. число поступающих в вузы стало превышать число получающих аттестаты о среднем образовании, причем к 2009 г. это превышение достигло уже 1,7 раза. Вторая пропорция изменилась еще более драматически: с 0,27:1 в начале 1990-х годов до 1:1 в настоящее время. Если бы и численность молодых людей, заканчивающих обязательные 9 классов, и их последующее распре-

деление по различным образовательным траекториям оставались неизменными, то это означало бы, что из нынешних молодежных когорт обладателями вузовских дипломов рано или поздно станут практически все.

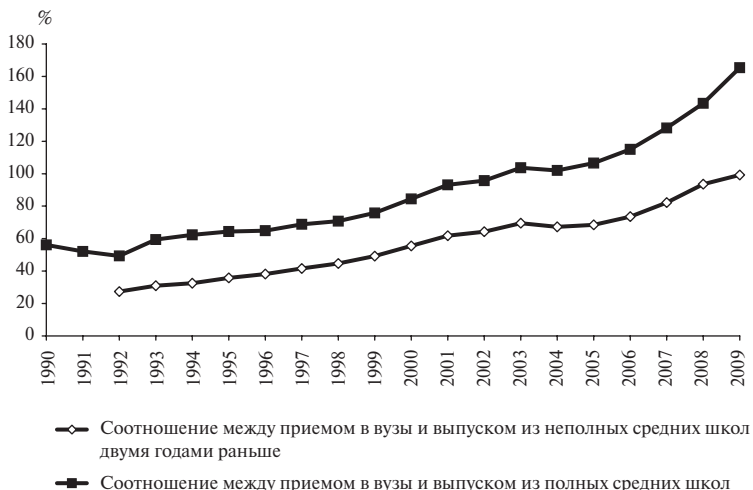

Рис. 9. Соотношение основных потоков в российской системе образования, 1990–2009 гг., %

Источники: Образование в России, 2002; Образование в Российской Федерации, 2010.

Понятно, что столь прямолинейный вывод был бы некорректным, поскольку начиная со второй половины 2000-х годов из-за вступления в демографическую яму численность молодежи в типичных возрастах поступления в учреждения послешкольного образования начала стремительно падать. Однако оценки, получаемые для первой половины 2000-х, когда она оставалась еще более или менее стабильной, могут быть признаны достаточно реалистическими. В эти годы прием в вузы достигал примерно трех четвертых от выпуска из неполных средних школ двумя годами раньше. В первом приближении эта оценка — 70–75% — позволяет получить представление о том, как будет выглядеть образовательная структура российской рабочей силы через несколько десятилетий, когда новые поколения работников с преобладанием среди них выпускников вузов полностью заместят на

рынке труда присутствующие на нем сейчас старшие поколения, среди которых вузы заканчивало абсолютное меньшинство.

Конечно, относиться к этой оценке следует с известной осторожностью. С одной стороны, далеко не все поступившие в вузы затем их заканчивают и получают дипломы⁵. С другой стороны, доля молодежи, стремящейся к получению высшего образования, с каждым годом становится все больше. С учетом этого можно было бы ожидать, что из нынешних молодежных когорт вузовские дипломы рано или поздно получат не менее 60–65%.

Альтернативный вариант расчета, основанный на результатах переписи населения 2002 г., выводит на несколько более низкие цифры. Данные переписи содержат информацию о доле лиц, обучающихся в вузах, в составе когорт молодежного возраста (от 16 до 30 лет). Просуммировав эти доли и разделив полученную величину на коэффициент 5 (который примерно соответствует средней продолжительности обучения в российской системе высшего образования), можно оценить, каков будет вероятный охват вузовской подготовкой новых поколений, вступающих на рынок труда. По этому варианту расчета получается, что вузовские дипломы рано или поздно будут вручены примерно каждому второму молодому человеку. Однако перепись населения, результаты которой доступны для анализа, проводилась достаточно давно — в 2002 г. (данные последней переписи 2010 г., как отмечалось, еще не опубликованы). Аналогичный расчет, но с использованием более поздних данных РМЭЗ, относящихся к 2008 г., дает более высокую оценку — 66%.

В любом случае есть веские основания полагать, что по охвату населения высшим образованием Россия уже в ближайшей перспективе может выйти на одно из первых мест в мире. К середине столетия российская рабочая сила с высокой степенью вероятности будет как минимум на *две трети* состоять из обладателей вузовских дипломов. Реализация подобного сценария станет серьезным вызовом и для российской экономики и для сложившейся институциональной системы. Помешать его реализации может только сверхактивный приток малообразованной рабочей силы из-за рубежа, но и он

⁵ Впрочем, в России доля отсева из вузов относительно невелика — порядка 20%, что является одним из самых низких показателей в мире.

вряд ли будет способен уменьшить долю работников с дипломами вузов и ссузов более чем на 5–10 п.п.

И анализ через призму «запасов» человеческого капитала, и анализ через призму его «потоков» оставляют впечатление сильнейшего перепроизводства дипломированной рабочей силы: почти невозможно вообразить, чтобы спрос на нее мог угнаться за ее столь стремительно расширявшимся предложением. В это особенно трудно поверить, если вспомнить, что речь идет о среднеразвитой экономике, почти целое десятилетие находившейся в глубоком трансформационном кризисе, со слабо диверсифицированной структурой производства и весьма несовершенной институциональной системой. При столь активной динамике предложения едва ли стоит удивляться тому, что большинство наблюдателей делали однозначный вывод о том, что в 1990–2000-е годы приток на российский рынок труда работников с высоким формальным образованием намного превосходил возможности экономики по созданию подходящих для них рабочих мест, что Россия уже вступила в полосу явного переинвестирования в человеческий капитал и что со временем его масштабы могут только увеличиваться. Многочисленные примеры из повседневной жизни, когда, имея вузовские дипломы, люди предпочитали становиться секретарями, менеджерами торгового зала, барменами, парикмахерами и т.п., делали этот вывод практически неотразимым.

И все же подобный «диагноз» можно в лучшем случае считать лишь предварительным. Оценки, опирающиеся на анализ только динамики предложения, недостаточны — какими бы убедительными ни казались они на первый взгляд. Для получения целостной картины он должен быть дополнен анализом динамики спроса. Как в 1990–2000-х годах менялись потребности российской экономики в высококвалифицированной рабочей силе? Как расширение предложения человеческого капитала со стороны работников соотносилось с расширением спроса на него со стороны фирм? Действительно ли имело место устойчивое отставание темпов роста спроса на дипломированную рабочую силу от темпов роста ее предложения и если да, то насколько сильным оно было?

К обсуждению этих важных вопросов мы обратимся в следующих разделах.

3. Динамика спроса

Стремительный рост охвата молодежи третичным (прежде всего — высшим) образованием — универсальный феномен, наблюдавшийся в последние десятилетия практически во всех странах мира. Россия здесь не исключение. Этот рост был настолько бурным, что как в развитых, так и в развивающихся странах рано или поздно начинали звучать опасения, не превосходит ли он возможности и потребности экономики — способна ли она генерировать достаточное количество подходящих рабочих мест, чтобы поглотить всю эту огромную массу работников с высоким формальным образованием, ежегодно выплескивающуюся на рынок труда? Не несет ли общество в этой ситуации серьезных потерь от переинвестирования в образование? Не чревато ли такое ускоренное накопление человеческого капитала его все менее и менее эффективным использованием? Нужно признать, что подобные опасения имеют под собой реальную почву и во многих случаях оказываются вполне оправданными. Скажем, в Китае «спурт» в развитии высшего образования был настолько мощным, что в последние годы выпускники вузов начали зарабатывать там в среднем не больше или даже меньше своих сверстников со средним образованием (Liang, 2011).

В США с серьезными предостережениями на этот счет недавно выступил известный экономист, лауреат Нобелевской премии П. Кругман (Krugman, 2011). По его мнению, современная американская экономика не располагает достаточным количеством рабочих мест, на которых выпускники колледжей могли бы получать заработную плату, достойную представителей среднего класса. Отсюда — продолжающееся уже несколько десятилетий постепенное снижение их реальных заработков, которое в дальнейшем будет только усиливаться. Это, считает он, крайне опасно, так как в перспективе грозит размыванием ядра американского среднего класса. Однако, комментируя эти рассуждения П. Кругмана, другой известный экономист, тоже лауреат Нобелевской премии, Г. Беккер, резонно заметил, что если бы высказанные им опасения были справедливы, то тогда работники, учившиеся в колледжах и университетах, должны были бы сталкиваться, во-первых, с растущей безработицей и, во-вторых, со сни-

жением относительных заработков (Becker, 2011)⁶. К этим двум пунктам можно добавить еще один: среди них должна была бы наблюдаться нисходящая профессиональная мобильность — они должны были бы во все больших масштабах перемещаться на худшие рабочие места, не соответствующие полученной ими высокой формальной подготовке.

Эта логика в полной мере приложима к анализу ситуации, сложившейся на российском рынке труда. Если бы в 1990—2000-е годы спрос на дипломированную рабочую силу на самом деле безнадежно отставал от ее предложения, то тогда нам следовало бы ожидать: а) скачка безработицы среди лиц с третичным (прежде всего — высшим) образованием; б) заметного падения экономической отдачи от образования (прежде всего — высшего); в) массового перемещения обладателей вузовских дипломов на худшие (недостаточно квалифицированные) рабочие места. В следующих разделах на доступных эмпирических данных мы попытаемся проверить, насколько подобные ожидания согласуются с реальностью. Можно надеяться, что такая многоступенчатая проверка позволит получить достаточно четкий ответ на вопрос о том, как в пореформенный период развития российской экономики складывалось соотношение между динамикой спроса и динамикой предложения высококвалифицированной рабочей силы — «кто» из них все-таки «бежал быстрее»?

Нужно сказать, что три намеченных нами «теста» являются взаимодополняющими, что можно показать на следующих условных примерах. Предположим, что первый из этих тестов дал отрицательный результат: выяснилось, что, несмотря на бурный приток на рынок труда работников с высоким формальным образованием, сколько-нибудь заметного роста безработицы среди них не наблюдалось. Однако само по себе это еще мало о чем говорит, так как, столкнувшись с возросшей конкуренцией на рынке труда, они могли резко снизить свои запросы по заработной плате. Если же они стали проявлять готовность к получению более низкой, чем раньше, заработной платы и из-за этого фирмы начали охотнее принимать их на работу, то имен-

⁶ Сам Беккер не обнаруживает никаких признаков ни того, ни другого, что позволяет ему отвергнуть вывод о том, что в современной американской экономике наблюдается быстрое сжатие сегмента высокооплачиваемых рабочих мест, на которых может продуктивно использоваться труд работников с дипломами университетов и колледжей (Becker, 2011).

но это и могло послужить причиной отсутствия среди них роста безработицы.

Но предположим далее, что результаты второго «теста» также оказались отрицательными: никакого снижения относительных заработков у работников с высоким формальным образованием, а следовательно, и экономической отдачи от вложений в такое образование не происходило. Однако и это еще нельзя было бы считать окончательным решением проблемы. Дело в том, что разрыв в заработной плате между более и менее образованными работниками мог не меняться, если она снижалась одновременно как у первых, так и у вторых. В ситуации, когда, например, выпускники вузов начинают «съезжать» на менее оплачиваемые рабочие места, на которых раньше трудились выпускники средних школ, а те в свою очередь начинают опускаться на еще хуже оплачиваемые рабочие места, которые раньше заполнялись выпускниками начальных школ, то тогда, несмотря на избыток предложения работников с высшим образованием, их выигрыш в заработках по сравнению с работниками со средним образованием может не только не сократиться, но при определенных обстоятельствах даже возрасти. В таком случае «премия» за обладание вузовским дипломом будет, несмотря ни на что, оставаться высокой.

Но, предположим, наконец, что и третий «тест» точно так же ничего не показал: каких-либо признаков нисходящей профессиональной мобильности выявлено не было, основная масса работников с высшим образованием, как и прежде, продолжает концентрироваться на верхних этажах профессионально-квалификационной иерархии. Только тогда у нас действительно не остается уже никаких оснований говорить о переинвестировании в человеческий капитал. Сочетание устойчиво низкой безработицы с внушительным выигрышем в заработках и высоким профессиональным статусом будет однозначно указывать на то, что спрос на высококвалифицированную рабочую силу рос, по меньшей мере, так же активно, как ее предложение.

3.1. Пошли ли показатели безработицы резко вверх?

Как и в большинстве других стран мира, в России обладание высоким образованием резко снижает риск попадания в ряды «лишних людей». В российских условиях снижение безработицы по мере повышения уровня образования работников происходит практически

монотонно (Таблица 7)⁷. Так, среди лиц с высшим образованием она оказывается примерно вдвое ниже, чем в среднем по стране. Напротив, среди лиц с основным и начальным общим образованием она в 2–2,5 раза превышает среднероссийский показатель. По доле длительно безработных обладатели высокого образования также сильно «отстают» от других групп. Если среди безработных с высшим образованием в 2008 г. свыше года искали работу 30%, то среди безработных со средним образованием и ниже — 40–60%. Наконец, по мере повышения уровня образования резко снижается доля отчаявшихся работников, прекративших поиск на рынке труда из-за невозможности найти работу. У обладателей вузовских дипломов она не достигает даже 0,5%, тогда как у тех, кто не пошел дальше начальной школы, приближается к 7%. Отсюда видно, что самым тяжелым, застойным формам незанятости чаще всего бывают подвержены лица с низким образованием, тогда как высокое образование обеспечивает по отношению к ним практически полный иммунитет.

Таблица 7. Уровни безработицы по полу и уровню образования, 2008 г., %

	Высшее профессиональное	Неполное высшее профессиональное	Среднее профессиональное	Начальное профессиональное	Среднее (полное) общее	Основное общее	Начальное общее, не имеют начального общего	Итого
Все население*	2,8 (0,3)	12,1 (1,5)	4,7 (0,7)	6,6 (1,1)	9,7 (1,9)	14,7 (5,1)	16,3 (6,6)	6,3 (1,2)
Мужчины	2,7	11,7	4,7	6,4	9,4	14,9	18,7	6,6
Женщины	2,9	12,6	4,6	6,9	10,2	14,4	13,1	6,1

* В скобках приводятся оценки уровня отчаявшихся работников.

Источник: ОНПЗ, 2008.

В Таблице 8 представлены аналогичные оценки для четырех укрупненных групп, различающихся по возрасту: молодежь (15–24 года); лица активного возраста (25–49 лет); лица предпенсионного возраста

⁷ Единственное исключение — лица с незаконченным высшим образованием, уровень безработицы среди которых оказывается выше среднего по стране. Естественно связать это со спецификой трудового поведения студентов вузов, заинтересованных в получении такой работы, которую можно было бы совмещать с учебной.

та (женщины 50–54 лет, мужчины 50–59 лет); лица пенсионного возраста (женщины 55 лет и старше, мужчины 60 лет и старше). Для всех них прослеживается однозначная, четко выраженная закономерность: чем лучше образовательная подготовка, тем ниже безработица. Если определить потенциальный «выигрыш» с точки зрения сокращения риска безработицы как разность в ее уровнях между обладателями вузовских дипломов и обладателями аттестатов об окончании средней школы, то для молодежи он составит 11 п.п., для лиц активного возраста – 7 п.п., для лиц предпенсионного возраста – 4 п.п. и для лиц пенсионного возраста – 1,5 п.п.

*Таблица 8. Уровни безработицы по основным возрастным группам и уровню образования, 2008 г., %**

	Высшее профессиональное	Неполное высшее профессиональное	Среднее профессиональное	Начальное профессиональное	Среднее (полное) общее	Основное общее	Начальное общее, не имеют начального общего
Молодежь	7,6	19,2	9,9	11,2	19,2	23,8	23,3
Лица зрелого возраста	2,9	12,5	4,6	6,7	9,7	15,9	23,7
Лица предпенсионного возраста	2,4	2,3	4,2	5,0	6,4	10,2	15,2
Лица пенсионного возраста	2,6	3,0	4,0	4,2	4,0	4,1	4,3
Все население	2,7	11,7	4,7	6,4	9,4	14,9	18,7

* Молодежь – 15–24 года; лица зрелого возраста – 25–49 лет; лица предпенсионного возраста – женщины 50–54 года и мужчины 50–59 лет; лица пенсионного возраста – женщины 55–72 года и мужчины 60–72 года.

Источник: ОНПЗ, 2008.

Отмеченные различия носили устойчивый характер и сохранялись независимо от того, в каком состоянии в тот или иной период находился российский рынок труда. На Рис. 10 показаны траектории изменения показателей безработицы для различных образовательных групп за 1992–2008 гг. Хорошо видно, что групповые уровни безра-

ботицы менялись примерно по тем же траекториям, что и ее общий уровень: сначала резкий скачок в кризисный период 1992–1998 гг., затем быстрое сокращение в посткризисный период 1999–2008 гг. Однако у групп с лучшей образовательной подготовкой кумулятивный прирост безработицы в первый период был намного слабее, тогда как ее кумулятивное сокращение во второй период сильнее, чем у групп с худшей образовательной подготовкой. Это указывает на то, что работники с высоким образованием (прежде всего – высшим) успешнее адаптировались к резким изменениям в экономической и социальной среде, которыми был отмечен переходный период. Вопреки многочисленным предсказаниям, наблюдавшийся в 1990–2000 гг. активный приток на рынок труда работников с дипломами вузов и ссузов не привел к повышению для них риска безработицы.

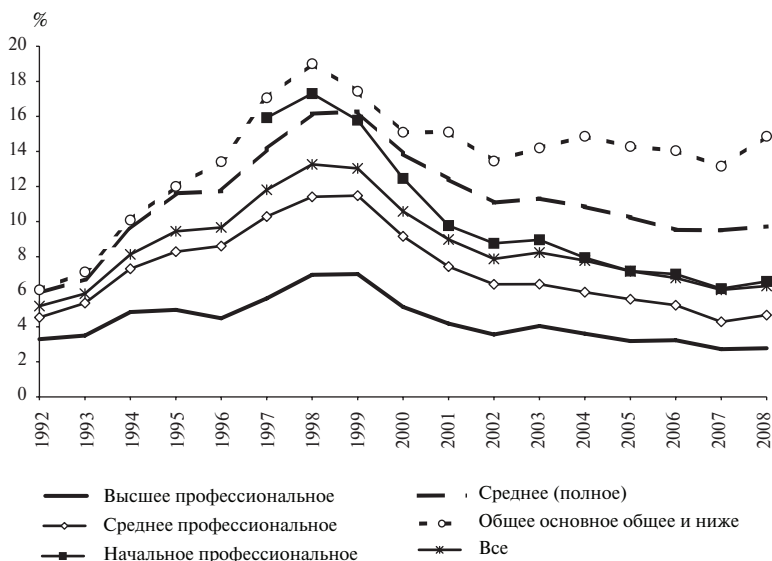

Рис. 10. Динамика уровней безработицы для различных образовательных групп, 1992–2008 гг., %

Источник: ОНПЗ.

Более того, эскалация предложения труда таких работников сопровождалась не ухудшением, а улучшением их конкурентных позиций, причем не только абсолютных, но и, что гораздо удивитель-

нее, относительных. На Рис. 11 представлены траектории изменения двух относительных индикаторов безработицы – первый представляет собой отношение среднероссийского уровня безработицы к ее уровню среди лиц с высшим образованием, второй – отношение уровня безработицы среди лиц со средним образованием к ее уровню среди лиц с высшим образованием. Из этих оценок следует, что если в 1992 г. уровень безработицы среди обладателей высшего образования «отставал» от общего уровня безработицы в 1,6 раза, то в 2008 г. – уже в 2,3 раза. Если в начале этого периода он был ниже уровня безработицы среди обладателей среднего образования в 1,8 раза, то в конце – в 3,5 раза. Иными словами, ничто не свидетельствует о начавшемся «выдавливании» выпускников вузов из занятости в безработицу; скорее, можно говорить об обратном процессе – об их втягивании из безработицы в занятость. Отсутствие признаков – во всяком случае явных – перепроизводства дипломированной рабочей силы заставляет предполагать, что спрос на нее рос как минимум такими же темпами, как и ее предложение.

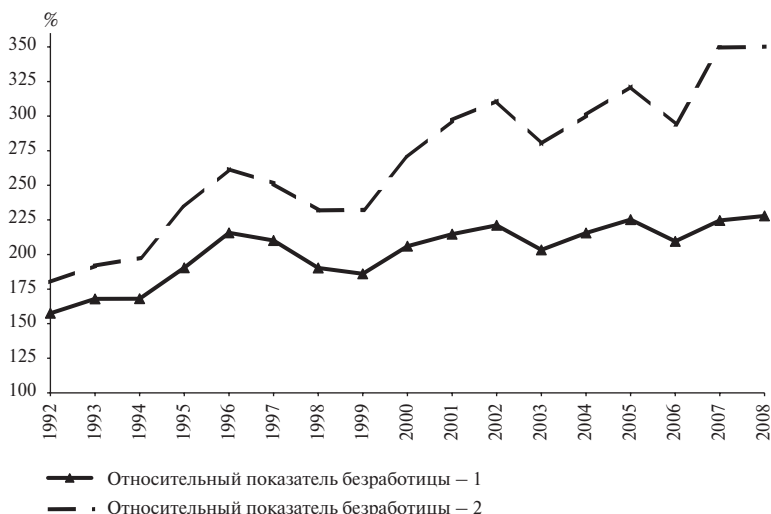

Рис. 11. Динамика относительных показателей безработицы (отношение общего уровня безработицы к уровню безработицы лиц с высшим образованием и отношение уровня безработицы лиц с полным средним образованием к уровню безработицы лиц с высшим образованием), 1992–2008 гг., %

На это можно возразить, что приведенные оценки относятся ко всем работникам независимо от их возраста, тогда как процесс постепенного вытеснения в безработицу мог быть сфокусирован исключительно на недавних выпускниках вузов и ссузов, вступивших на рынок труда в самое последнее время. Иными словами, ситуация для старших поколений дипломированной рабочей силы могла не измениться, но резко ухудшиться для младших. Однако и это предположение точно так же расходится с имеющимися фактами. Как показывает Рис. 12, на протяжении всего пореформенного периода показатели безработицы у молодежных когорт с третичным образованием оставались существенно ниже, чем у молодежных когорт без такого образования. Еще удивительнее, что во второй половине 2000-х годов (до момента наступления экономического кризиса) уровень безработицы среди недавних выпускников вузов удерживался на более низкой отметке не только по сравнению с 1990-ми годами, но также и по сравнению с первой половиной 2000-х годов.

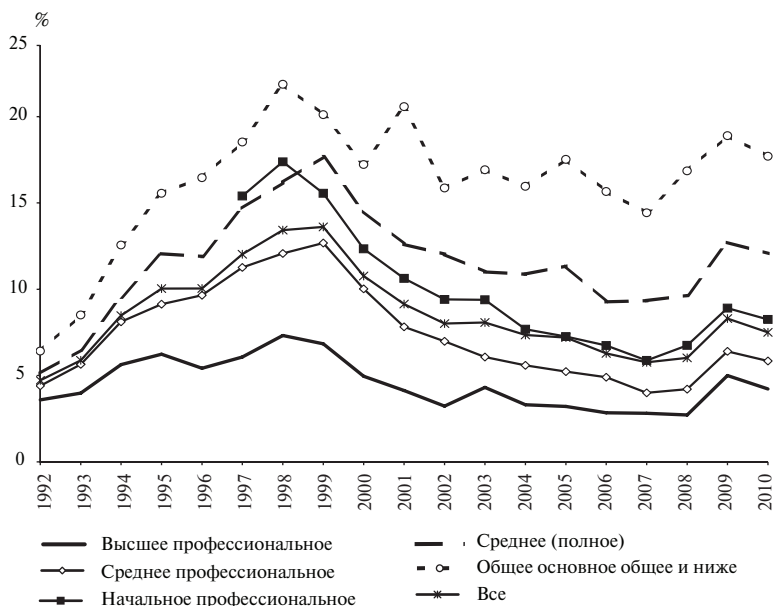

Рис. 12. Динамика уровней безработицы для различных образовательных групп среди работников в возрасте 25–34 года, 1992–2010 гг., %

Источник: ОНПЗ.

О том же говорит динамика относительных показателей безработицы среди молодежи в возрасте 25–34 года. Рис. 13 демонстрирует, что в течение двух последних десятилетий у молодых работников с высшим образованием шансы на нахождение занятости стали заметно лучше, причем не только абсолютно, но и относительно. Так, если в 1992 г. вероятность оказаться без работы была у них ниже, чем у молодых работников с полным средним образованием, лишь в 1,4 раза, то в 2008 г. — уже в 3,6 раза.

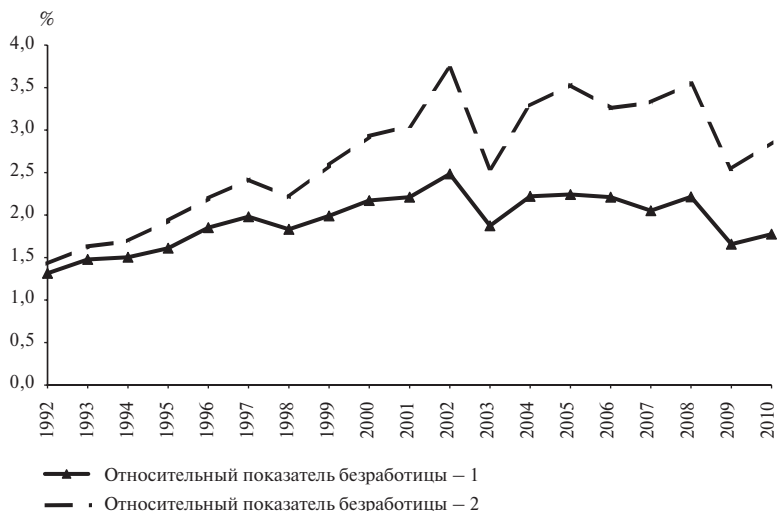

Рис. 13. Динамика относительных показателей безработицы (отношение общего уровня безработицы к уровню безработицы лиц с высшим образованием и отношение уровня безработицы лиц с полным средним образованием к уровню безработицы лиц с высшим образованием) среди работников в возрасте 25–34 года, 1992–2010 гг., %

Результаты нашего первого «теста» оказываются однозначно отрицательными. Не обнаруживается никаких свидетельств, что эскалация предложения работников с дипломами вузов и ссузов привела к сколько-нибудь заметному ухудшению их конкурентных позиций на рынке труда. Безработица среди них была и остается гораздо ниже, чем среди работников с более низким образованием. Не только опытные, но и молодые работники, лишь недавно окончившие вузы и ссузы, продолжают пользоваться устойчиво высоким спросом, о чем

свидетельствует резкое повышение их шансов — как абсолютных, так и относительных — на нахождение занятости.

Но здесь возможно возражение. Даже при сохранении у работников с высоким образованием чрезвычайно благоприятных перспектив на получение занятости, нельзя исключить, что условия их оплаты могли резко ухудшиться. Сокращение относительных заработков могло стать ценой, которую им пришлось уплатить за то, чтобы избежать возможного роста безработицы. В таком случае следовало бы ожидать сильного падения экономической отдачи от образования, как это и предполагается вторым из предложенных нами «тестов».

3.2. Упала ли экономическая отдача от образования?

Обобщенным индикатором экономической ценности вложений в образование можно считать выигрыш в заработках, который оно обеспечивает своим обладателям. Насколько окупаются эти вложения в российских условиях, ведут ли они к росту заработной платы или нет?

Для России тремя основными источниками информации о заработной плате на микроуровне являются Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), Национальное обследование благосостояния домохозяйств и участия в социальных программах (НОБУС) и Обследования заработной платы по профессиям (ОЗПП)⁸. Данные РМЭЗ доступны за 1994–2009 гг.

⁸ РМЭЗ представляет собой общенациональное лонгитюдное обследование домохозяйств и проводится один раз в год Исследовательским центром ЗАО «Демоскоп» совместно с Институтом социологии РАН, Институтом питания РАМН и Университетом Северной Каролины в Чепл Хилле (США). Исходная выборка составляет около 5 тыс. жилищ-домохозяйств (порядка 12 тыс. респондентов), расположенных в 160 населенных пунктах в 35 субъектах Российской Федерации. Выборка построена таким образом, что результаты обследования являются репрезентативными по России в целом. Обследование НОБУС было проведено Росстатом при поддержке Всемирного банка в мае 2003 г. Выборка включала около 45 тыс. домохозяйств и являлась представительной для 46 субъектов РФ. ОЗПП проводятся Росстатом начиная с 2005 г. один раз в два года. Итоговую базу ОЗПП составляет информация о примерно 750 тыс. работниках по всем субъектам Российской Федерации. Выборка ограничена традиционным корпоративным сектором — крупными и средними предприятиями и организациями и не включает субъекты малого предпринимательства с численностью занятых менее 15 человек.

(с пропуском 1997 и 1999 гг.); данные НОБУС — за 2003 г.; данные ОЗПП — за 2005, 2007 и 2009 гг. Выборки, на которых они строятся, отличаются не только по размерам, но также и по способам формирования, что делает получаемые на их основе результаты не полностью сопоставимыми⁹.

В Таблице 9 приведены оценки средних месячных заработков для различных образовательных групп по результатам двух самых последних по времени обследований — ОЗПП за 2009 г. и РМЭЗ за 2010 г. Несмотря на определенные расхождения, общая картина дифференциации заработной платы в зависимости от полученного работниками образования оказывается схожей. По данным обоих обследований, работники с полным средним образованием зарабатывают на 15–20% больше, чем работники с основным общим или начальным образованием. Обучение в ПТУ увеличивает заработную плату на 2–3%, по данным ОЗПП, но сокращает ее на 5–10%, если оно велось на базе неполной средней школы, и дает практически нулевой эффект, если оно велось на базе полной средней школы, по данным РМЭЗ. Согласно ОЗПП, окончание ссуза обеспечивает прирост заработков примерно на 10% у мужчин и примерно на 20% у женщин. Согласно РМЭЗ, аналогичная «прибавка» оказывается примерно такой же в случае мужчин — около 10%, но существенно более низкой в случае женщин — менее 5%. По данным ОЗПП, относительный выигрыш в заработках за обладание вузовским дипломом достигает около 70% для мужчин и свыше 90% для женщин. РМЭЗ выводит на значительно более низкие показатели — примерно 50% как у мужчин, так и у женщин. Однако и те и другие оценки укладываются в границы «премий» за высшее образование, которые можно считать типичными для развитых стран, где они варьируются обычно в пределах 50–100%.

⁹ Наиболее серьезные расхождения существуют между РМЭЗ и НОБУС, с одной стороны, и ОЗПП, с другой стороны. ОЗПП намного превосходят РМЭЗ и НОБУС как по размерам выборки, так и по охвату отдельных регионов. Кроме того, информация об отдельных работниках собирается в них из кадровой и бухгалтерской отчетности предприятий, а не путем опроса работников, что резко повышает ее надежность. Однако ОЗПП включают только работников крупных и средних предприятий, занятых полное рабочее время, причем с исключением ряда как самых низко- (сельское хозяйство), так и самых высокооплачиваемых отраслей (финансы и государственное управление).

Таблица 9. Средняя месячная заработная плата по полу и уровням образования, тыс. руб.

Группы работников по уровню образования	ОЗПП, 2009 г.			РМЭЗ, 2010 г.		
	все	мужчины	женщины	все	мужчины	женщины
Высшее	24,4	30,7	20,4	18,7	23,6	15,7
Неполное высшее	15,1	19,0	13,1	—	—	—
Среднее профессиональное	15,3	19,5	12,9	13,1	17,1	10,7
ПТУ + полное среднее				13,2	15,7	9,8
ПТУ + неполное среднее	15,3	18,4	10,9	12,3	15,0	8,8
Среднее (полное) общее	14,8	18,4	10,6	13,4	15,7	10,5
Основное общее и ниже	12,3	15,2	8,8	11,3	13,1	8,3
Все	18,1	22,1	15,0	14,7	17,6	12,1

Источники: РМЭЗ; ОЗПП.

Как наблюдаемая на российском рынке труда дифференциация в заработках в зависимости от полученного работниками образования выглядит в межстрановой перспективе? В среднем в странах — членах ОЭСР те, кто не закончил средней школы, зарабатывают на 20–25% меньше, чем те, кто ее закончил (Рис. 14). По сравнению с обладателями полного среднего образования выигрыш в заработках у обладателей поствторичного нетретичного образования (аналог российского НПО) составляет 5–8%; у обладателей третичного образования типа В (аналог российских ссузов) — 23–28%; у обладателей третичного образования типа А (аналог российских вузов) — 62–67%. Для мужчин «прибавка» за высшее образование варьируется от 33% (Норвегия) до 158% (Венгрия), для женщин — от 27% (Дания) до 101% (Ирландия и Южная Корея).

Российские показатели, обсуждавшиеся выше, находятся в этом же диапазоне. Работники, являющиеся аутсайдерами с точки зрения полученного ими образования, оплачиваются (в относительных терминах) в России лучше, чем в странах ОЭСР. Выпускники ПТУ находятся в несколько худшем, а выпускники ссузов — в намного худшем положении, чем выпускники аналогичных образовательных учреждений в развитых странах. (Впрочем, последнее касается только мужчин; у женщин выигрыш в заработках, достигающийся обладательницам среднего профессионального образования, в России и в

странах ОЭСР практически совпадает.) Наконец, после окончания вузов мужчины оплачиваются в России примерно так же, тогда как женщины — намного более «щедро», чем в среднем в развитых странах. Дополнительный выигрыш в заработках российских женщин по сравнению с женщинами из стран ОЭСР составляет внушительную величину — примерно +30 п.п. (Рис. 14).

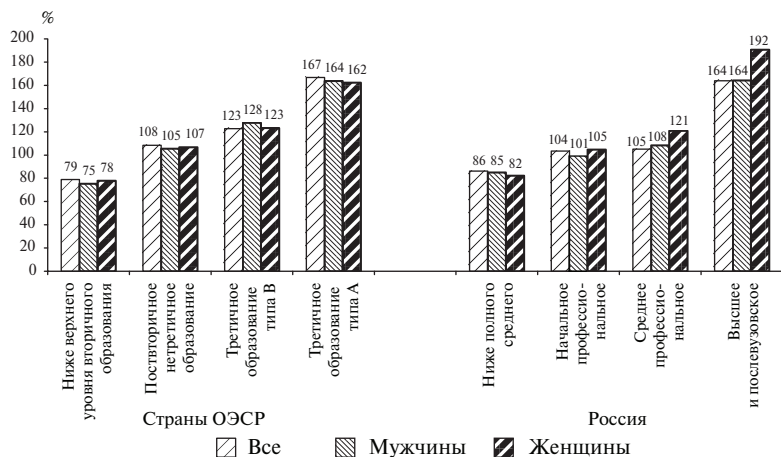

Рис. 14. Относительные заработки в России и странах ОЭСР, 2006–2007 гг., % (соотношение с заработками работников, имеющих полное среднее образование, население в возрасте 25–64 года)

Источники: OECD, 2009; ОЗПП, 2007.

Можно, таким образом, утверждать, что на российском рынке труда обладание высоким образованием ценится примерно так же (в относительных терминах), как оно ценится на рынках труда других стран мира. При этом с точки зрения «прибавки» за высшее образование российские мужчины располагаются примерно посередине, тогда как российские женщины — ближе к верхней границе того коридора значений, который фиксируется для стран — членов ОЭСР.

Более точным показателем эффективности инвестиций в человеческий капитал являются оценки норм отдачи, показывающие, на сколько процентов возрастают заработки работников при увеличении продолжительности их обучения на один год. По сравнению с более грубым измерителем, который обсуждался выше, — разностью в за-

работках между различными образовательными группами — они обладают рядом преимуществ. Во-первых, нормы отдачи представляют собой оценки «чистого» вклада образования в заработки, свободного от влияния прочих факторов (таких как пол, возраст, трудовой стаж и т.д.). Во-вторых, они приводятся в форме, которая позволяет сравнивать эффективность вложений в человека с эффективностью любых других вложений. В качестве еще одного показателя окупаемости инвестиций в человеческий капитал широко используются также оценки «премий» за образование, которые рассчитываются не для числа лет обучения, а для различных его типов или уровней. Они, следовательно, показывают, какой выигрыш в заработках обеспечивает переход с одной, более низкой, на другую, более высокую, ступень образования (например, от полного среднего к высшему).

В современной практике измерение отдачи от вложений в человеческий капитал чаще всего производится путем эконометрического оценивания «минцеровского» уравнения заработков, названного так в честь известного американского экономиста Дж. Минцера, который первым ввел его в научный оборот (Mincer, 1974). Несмотря на определенные недостатки и ограничения, оценки норм отдачи, получаемые при использовании минцеровского подхода, остаются наиболее популярным инструментом анализа при изучении проблем накопления и использования человеческого капитала. В первом приближении они дают достаточно адекватное представление об экономической ценности образования и помогают увидеть, как с течением времени менялось соотношение между спросом на обученную рабочую силу и ее предложением. Для государства нормы отдачи служат одним из важнейших ориентиров при выработке и принятии решений в области образовательной политики (Flabbi, Paternostro, Tiongson, 2008).

Существует необозримое множество исследований, посвященных подсчету норм отдачи от образования. В зрелых рыночных экономиках их оценки чаще всего удерживаются в диапазоне от 6% до 10% (Bils, Klenow, 2000; Psacharopoulos, Patrinos, 2004; Harmon, Oosterbeek, Walker, 2003). Для развивающихся стран они оказываются выше, превосходя, как правило, 10%-й порог (Psacharopoulos, Patrinos, 2004). Однако в плановых экономиках — и Россия здесь не исключение — ситуация была принципиально иной. Ретроспективный анализ свидетельствует, что нормы отдачи находились в них на очень низком уровне, составляя не более 2–3%. Реально это означало, что с точки

зрения пожизненных заработков человек, получавший диплом об окончании вуза, не выигрывал практически ничего.

Рыночные реформы привели к слому прежней «зарегулированной» системы оплаты труда и сопровождались драматическими сдвигами в спросе и предложении образованной рабочей силы. В новых условиях нормы отдачи начали стремительно повышаться. Оценки, относящиеся к 1990-м годам, рисуют полностью изменившуюся картину. По имеющимся свидетельствам, в России нормы отдачи выросли в этот период до 6–7%, достигнув нижней границы окупаемости образования в развитых странах. В начале 2000-х годов, после вступления российской экономики в фазу подъема, они увеличились еще на 2–3 п.п., выйдя на отметку 10%. По международным меркам это вполне «стандартный», чаще всего встречающийся результат.

Как показывает сравнительный анализ, Россия — одна из немногих постсоциалистических стран, где рост норм отдачи не ограничился «ранним» этапом переходного процесса, но продолжился затем и на его «позднем» этапе (Flabbi, Paternostro, Tiongson, 2008). В большинстве других переходных экономик их динамика была более простой: сначала — быстрый подъем в первой половине 1990-х годов, затем — примерная стабилизация в течение всех последующих лет. Еще интереснее, что в России даже в конце 2000-х годов, несмотря на сверх-активный приток на рынок труда выпускников ссузов и вузов, экономическая ценность образования по-прежнему оставалась достаточно высокой. Обнаружить какие-либо однозначные свидетельства ее резкого понижения не удастся (во всяком случае — пока).

Чтобы показать, как в пореформенный период менялись нормы отдачи от образования, мы воспользовались данными РМЭЗ, НОБУС и ОЗПП, оценив на их основе две версии минцеровского уравнения заработков. Первую — с использованием переменной числа лет обучения, вторую — с использованием переменных для уровней образования (в качестве базовой группы, относительно которой рассчитывались образовательные «премии», выступали работники, окончившие полную среднюю школу).

Из оценок, полученных на данных РМЭЗ, следует, что в период 1995–2010 гг. нормы отдачи колебались в диапазоне 6–9% (Рис. 15)¹⁰.

¹⁰ Все приводимые ниже оценки получены путем оценивания «канонического» минцеровского уравнения заработков, включавшего в качестве зависимой пере-

Другими словами, увеличение продолжительности обучения на один год обеспечивало прирост заработков примерно на 6–9%. Они «стартовали» с порога 6% в середине 1990-х годов; достигли пика в начале 2000-х годов, превысив отметку 9%; но затем к концу десятилетия снизились на 1–1,5 п.п. до 7,5–8%. Расчеты на данных НОБУС и ОЗПП рисуют несколько иную картину (Рис. 16). Из них следует, что в период 2003–2009 гг. нормы отдачи от образования колебались вокруг отметки 10–11%, не обнаруживая никаких признаков понижения¹¹. В условиях, когда показания основных источников, пусть не очень значительно, но расходятся, наиболее адекватной представляется характеристика второй половины 2000-х годов как периода примерной стабильности экономической отдачи от образования.

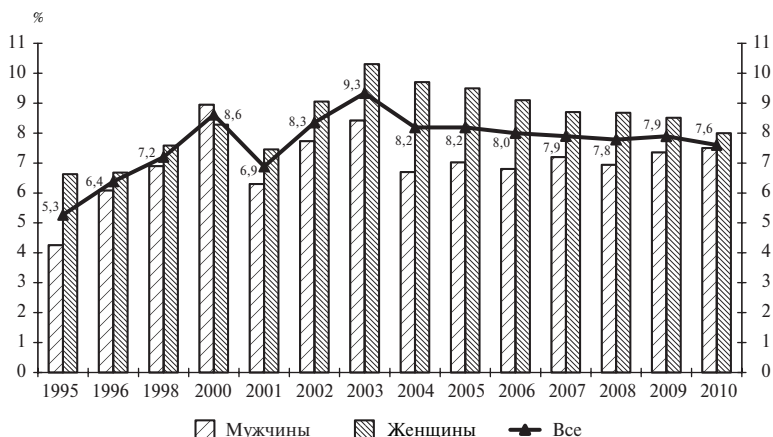

Рис. 15. Динамика норм отдачи от образования по данным РМЭЗ, 1995–2010 гг., %

Источник: РМЭЗ.

менной логарифм часовой заработной платы, а в качестве независимых переменных показатели пола, образования, трудового стажа и квадрата трудового стажа. По всем обследованиям для всех лет коэффициенты регрессии при переменных образования статистически значимы на 1%-м уровне доверительной вероятности.

¹¹ Более высокие оценки по НОБУС, чем по ОЗПП, на Рис. 16 объясняются неодинаковым отраслевым охватом – более широким в НОБУС и более узким в ОЗПП. При пересчете норм отдачи по данным НОБУС для того же круга отраслей, что в ОЗПП, их величина снижается до 8,9% (в том числе до 7,4% у мужчин и до 10,2% у женщин), что меньше аналогичных оценок по данным ОЗПП.

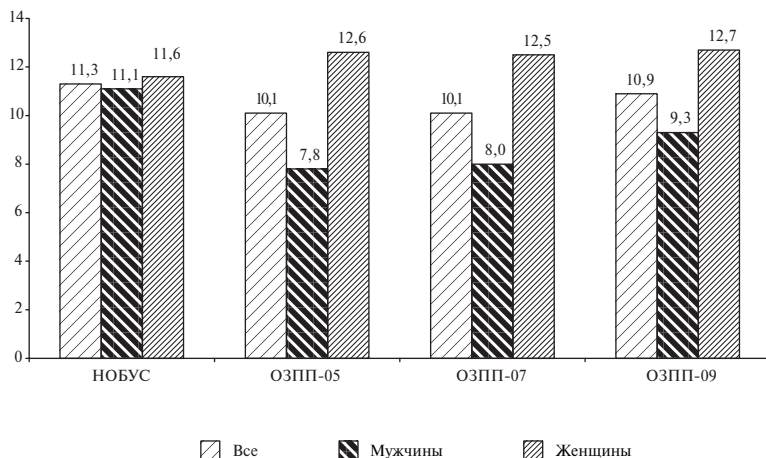

Рис. 16. Динамика норм отдачи на образование по данным НОБУС и ОЗПП, 2003–2009 гг., %

Источники: НОБУС; ОЗПП.

В российских условиях нормы отдачи для женщин оказываются значительно — до трети — выше, чем для мужчин: они соотносятся как 8,0% против 7,5% по данным РМЭЗ за 2010 г. и как 12,7% против 9,3% по данным ОЗПП за 2009 г. Такая гендерная асимметрия — широко распространенный феномен, типичный для большей части стран мира (Dougherty, 2003; Psacharopoulos, Patrinos, 2004). Его существование объясняется несколькими факторами. Во-первых, как показывает опыт, для женщин характерно более ответственное отношение к самому процессу обучения, так что качество получаемого образования оказывается обычно у них выше, чем у мужчин. Во-вторых, женщины с высоким образованием сталкиваются, как правило, с менее жесткой дискриминацией на рынке труда, чем женщины с низким образованием. Как следствие, относительный разрыв в заработках между более и менее образованными работниками достигает у них больших размеров, чем у мужчин. В-третьих, из-за существования на рынке труда гендерной сегрегации женщины оказываются слабо представлены в традиционно мужских «синеворотничковых» профессиях, где используется преимущественно физический труд и где поэтому заработная плата формируется во многом независимо от имеющегося у работников формального образования. Вследствие

этого среди женщин неравенство в достигнутых уровнях образования сопровождается более сильным неравенством в зарплатах, чем среди мужчин. В российском случае именно этот, последний механизм, как можно предполагать, является ключевым.

Еще больший интерес с точки зрения задач нашего исследования представляют оценки «премий» за различные уровни образования. По сравнению с оценками норм отдачи они обладают тем важным преимуществом, что позволяют учитывать внутреннюю неоднородность накапливаемого человеческого капитала (когда, например, год обучения в вузе обеспечивает совершенно иную «прибавку» к зарплатам, чем год обучения в ПТУ или ссузе). На Рис. 17–18 представлены оценки образовательных премий за высшее образование по данным РМЭЗ, НОБУС и ОЗПП. Они, напомним, показывают, на сколько процентов при прочих равных условиях заработки обладателей вузовских дипломов превышают заработки обладателей аттестатов об окончании полной средней школы.

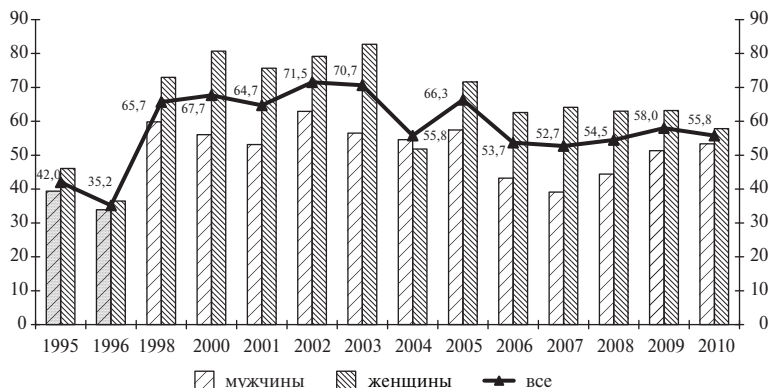

Рис. 17. Динамика «премий» за высшее образование по данным РМЭЗ 1995–2010 гг. (% превышения над зарплатами работников, имеющих полное среднее образование)

Источник: РМЭЗ.

Все три обследования свидетельствуют о значительной «премии» за высшее образование. Согласно РМЭЗ, в 2000-е годы она колебалась в пределах 50–70%; согласно НОБУС, составляла 85%; согласно

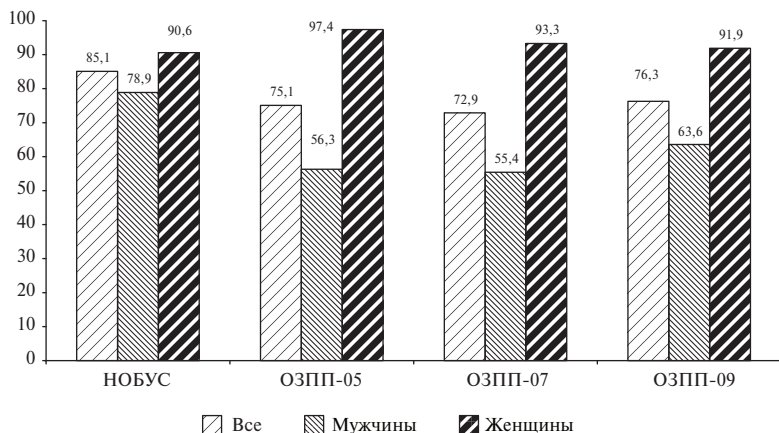

Рис. 18. Динамика «премий» за высшее образование по данным НОБУС и РМЭЗ, 2003–2009 гг. (% превышения над заработками работников, имеющих полное среднее образование)

Источники: НОБУС; ОЗПП,

ОЗПП, достигала 73–76%¹². Наиболее корректными из них следует, по-видимому, признать оценки по данным ОЗПП. РМЭЗ и НОБУС способны занижать величину «премий» за высшее образование из-за недостаточного охвата в них наиболее высокооплачиваемых групп работников: поскольку домохозяйства из высокодоходных страт склонны избегать участия в опросах, такие группы оказываются обычно недоступны для интервьюеров и, следовательно, недопредставлены в соответствующих выборках. В отличие от них ОЗПП в намного меньшей степени подвержены искажениям такого рода, так как базируются на статистической отчетности предприятий, которая включает информацию о заработках даже наиболее высокооплачиваемых групп работников¹³.

¹² Как уже отмечалось, причиной более высоких результатов по НОБУС, чем по ОЗПП, является неодинаковый охват отраслей. При пересчете «премий» за высшее образование по данным НОБУС для того же круга отраслей, что представлены в ОЗПП, их величина снижается до 64% (в том числе до 49% у мужчин и до 77% у женщин) и оказывается, таким образом, ниже оценок по данным ОЗПП.

¹³ В то же время, как отмечалось выше, за рамками ОЗПП остаются отрасли с наименее (сельское хозяйство) и с наиболее высокими (финансы и государственное управление) показателями оплаты труда, что также способно вести к недооценке величины «премий» за высшее образование.

Из Рис. 17, построенного по данным РМЭЗ, видно, что средняя величина «премий» за вузовские дипломы достаточно сильно колебалась во времени. Согласно этим данным, во второй половине 1990-х годов она составляла всего лишь 30–40%, в начале 2000-х годов увеличилась до 65–70%, но впоследствии опустилась ниже отметки 60%. В отличие от данных РМЭЗ данные ОЗПП (Рис. 18) не фиксируют для второй половины 2000-х годов какого-либо отката в «премиях» за высшее образование, что позволяет говорить об их фактической стабильности.

Для женщин экономическая ценность вузовских дипломов превосходит (причем существенно) их ценность для мужчин. По данным РМЭЗ, в 2010 г. у первых отдача от высшего образования приближалась к 60%, тогда как у вторых составляла чуть более 50%. Еще более сильный, полуторакратный гендерный разрыв обнаруживается при использовании данных ОЗПП за 2009 г.: «премия» для мужчин — около 60%, «премия» для женщин — более 90%. Как уже упоминалось, подобная гендерная асимметрия в отдаче от образования не представляет собой ничего необычного и является типичной для большинства стран мира.

Что же могло лежать в основе стремительного повышения экономической ценности человеческого капитала, начавшегося после старта рыночных реформ? Нужно отметить, что сам этот процесс был практически всеобщим — затронуты им в большей или меньшей степени оказались все без исключения переходные экономики (Trostel, Walker, Woolley, 2002; Fleisher, Sabirianova, Wang, 2005; Flabbi, Paternostro, Tiongson, 2008). Если Россия и выделялась чем-то на фоне других постсоциалистических стран, так это тем, что, во-первых, скачок в нормах отдачи оказался у нее одним из самых сильных и, что, во-вторых, их повышение длилось в ней дольше, захватив не только 1990-е, но и начало 2000-х годов (Gorodnichenko, Sabirianova, 2004; Fleisher, Sabirianova, Wang, 2005; Flabbi, Paternostro, Tiongson, 2008).

Для объяснения «взлета» норм отдачи в переходных экономиках обычно ссылаются на действие нескольких факторов (Sabirianova Peter, 2003; Fleisher, Sabirianova, Wang, 2005). Во-первых, это отказ от централизованных механизмов формирования оплаты труда, действовавших при плановой системе. В командной экономике оплата труда находилась под жестким административным контролем. Зара-

ботная плата устанавливалась в рамках единой тарифной сетки, ориентированной на принципы уравнительной оплаты и сжатия дифференциации в доходах. В результате она была очень слабо связана с факторами, определявшими производительность отдельных работников (их образованием, квалификацией, уровнем профессионального мастерства). После того, как в ходе рыночных реформ процесс формирования заработной платы был освобожден от многочисленных административных ограничений, между предприятиями развернулась конкуренция за привлечение и удержание лучших работников, обладающих наибольшими запасами человеческого капитала. Под ее влиянием различия в заработной плате между более и менее образованными работниками стали приходить в соответствие с различиями в производительности их труда. Отсюда — декомпрессия относительных заработков и, как следствие, быстрый рост норм отдачи от образования.

Во-вторых, важное значение мог иметь так называемый «аллокационный» эффект, выражающийся в том, что образование наделяет людей лучшими адаптивными способностями. Как показывает опыт, более образованные лица более умело и рационально распоряжаются своими материальными и временными ресурсами, активнее включаются в освоение новых знаний и навыков, быстрее откликаются на достижения научно-технического прогресса и раньше начинают внедрять их в своей повседневной практике (Nelson, Phelps, 1966). В таком случае естественно ожидать, что работники с высокой формальной подготовкой будут успешнее адаптироваться к непредвиденным изменениям в экономической, институциональной и технологической среде. Говоря иначе, они будут лучше справляться с «неравновесными» ситуациями, эффективно используя открывающиеся в такие времена новые возможности (Schultz, 1975). Если это так, то тогда большой относительный выигрыш от резких экономических, социальных и институциональных перемен, которыми сопровождался процесс системной трансформации, должны были получать именно они. Значительно возросшая «премия» за лучшие адаптивные способности, которыми располагают работники с более высоким образованием, также могла стать одной из причин «рывка» в нормах отдачи.

В-третьих, необходимо учитывать изменения в структуре занятости, произошедшие по ходу отраслевой перестройки экономики

(Капелюшников, 2006). Когда занятость в менее «интеллектуалоемких» отраслях (таких как сельское хозяйство или ЖКХ) расширяется медленнее или сокращается быстрее, чем в более «интеллектуалоемких» (таких как здравоохранение или финансы), потребности в высококвалифицированной рабочей силе возрастают (абсолютно либо, по крайней мере, относительно). В российской экономике и в 1990-е, и в 2000-е годы ситуация складывалась именно так: доля занятых в «неинтеллектуалоемких» отраслях постепенно (хотя и не монотонно) снижалась, в то время как в «интеллектуалоемких» постепенно росла. За пореформенный период доля первых стала меньше примерно на 3 п.п., тогда как доля вторых — больше примерно на 6 п.п. (Рис. 19). Иными словами, положительная динамика образовательных «премий» могла быть результатом межотраслевых сдвигов в структуре занятости, благоприятных для работников с высокой и неблагоприятных для работников с низкой формальной подготовкой.

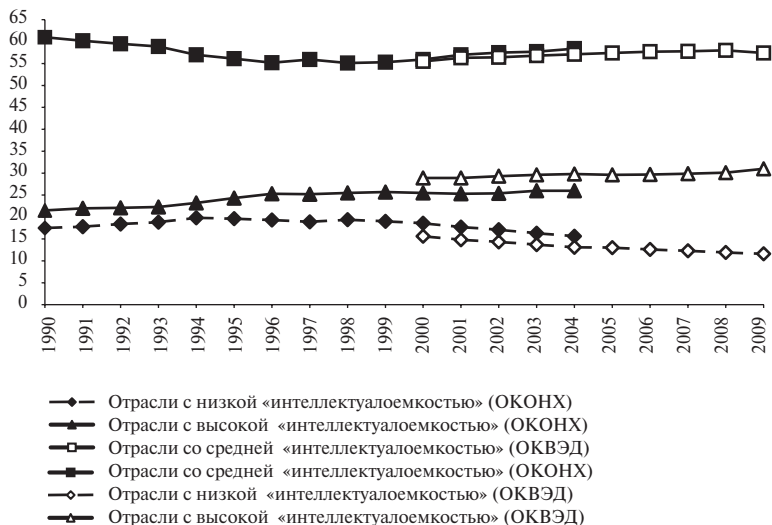

Рис. 19. Изменения в распределении занятых по отраслям с низкой, средней и высокой «интеллектуалоемкостью», 1990–2009 гг., %
(все занятые = 100%)*

* Отрасли классифицировались в зависимости от доли занятых в них работников, имеющих высшее образование. К первой группе (с низкой «интеллектуалоем-

костью») были отнесены сельское хозяйство, рыболовство и ЖКХ; ко второй (со средней «интеллектуалоемкостью») — промышленность, строительство, торговля, транспорт и прочие отрасли; к третьей (с высокой «интеллектуалоемкостью») — здравоохранение, образование, культура и искусство, наука, финансы и государственное управление.

Наконец, скачок в нормах отдачи мог быть связан с изменениями в структуре спроса на рабочую силу *внутри* отдельных отраслей — от работников с более низким к работникам с более высоким образованием. В таком случае относительные заработки у первых должны были снизиться, тогда как у вторых — возрасти. В развитых странах подобные изменения принято относить на счет технического прогресса, «смещенного» в пользу высококвалифицированной рабочей силы (skill-biased technological change). Особенность технического прогресса такого типа заключается в том, что он является комплементарным по отношению к накоплению человеческого капитала, т.е. требует для своей реализации работников, обладающих высоким образованием (Acemoglu, 1998; Card, Di Nardo, 2002; Autor, Levy and Murnane, 2003; Berman, Bound and Machin, 1998; Spitz-Oener, 2006). Предполагается, что в современную эпоху большинство технологических нововведений носят именно такой характер (достаточно вспомнить компьютеры, Интернет, другие достижения в области коммуникационно-информационных технологий). Стимулируя спрос на работников с высоким образованием, «смещенный» технический прогресс способствует опережающему росту их заработков, следствием чего оказываются более высокие нормы отдачи.

Впрочем, применительно к переходной российской экономике тезис об активном skill-biased technological change выглядит несколько умозрительно (Sabirianova Peter, 2003). В условиях глубокого и затяжного трансформационного кризиса в ней наблюдался скорее «технический регресс», чем «технический прогресс»: шло быстрое физическое и моральное старение производственного аппарата; драматически упали расходы на НИОКР; во многих частях экономики возобладала тенденция к примитивизации используемых технологий (особенно — в неформальном секторе, включая ЛПХ). «Смещенность» спроса в пользу высококвалифицированной рабочей силы если и существовала, то порождалась факторами не столько технического, сколько организационного прогресса.

Отличительной чертой плановых экономик была гигантская экономия на издержках информации, но добивались они этого вполне варварским способом — просто усечением ее объема. Переход к иным принципам организации общества привел к радикальной децентрализации информационных потоков и изменил их общую конфигурацию, трансформировав ее из преимущественно вертикальной в преимущественно горизонтальную. Тотальная институциональная перестройка потребовала освоения и внедрения множества принципиально новых организационных и управленческих практик, неизвестных плановым экономикам. Она повлекла за собой резкое увеличение объемов генерируемой и перерабатываемой информации и как следствие — резкую эскалацию спроса на услуги тех, кто этим занимается. Спрос на представителей самых разных «беловоротничковых» профессий, специализирующихся на работе с информацией (законодателей, политиков, журналистов, юристов, экономистов, бухгалтеров), стал непрерывно нарастать, в то время как в спросе на представителей многих «синеворотничковых» профессий обнаружился глубокий провал. Под действием этих разновекторных изменений разрыв в заработках между более и менее образованными работниками начал быстро увеличиваться, что создало условия для перемещения норм отдачи на новый, более высокий уровень.

Конечно, все эти механизмы могли действовать (и, по-видимому, действовали), одновременно, не столько исключая, сколько дополняя друг друга. Но все же какие из них лучше объясняют фактически наблюдавшуюся динамику норм отдачи, так что их можно признать более фундаментальными?

1. Как нетрудно убедиться, влияние аллокационного эффекта по определению могло быть только временным. По мере нормализации экономической и институциональной среды «премия» за лучшие адаптивные способности должна была начать сокращаться, потянув за собой вниз также нормы отдачи. Однако нигде — включая Россию — подобного отката назад не наблюдалось.

2. Несколько иную динамику следовало бы ожидать, если бы решающая роль принадлежала фактору дерегулирования. В таком случае после первоначального скачка, связанного с освобождением заработной платы, нормы отдачи должны были бы стабилизироваться и затем поддерживаться приблизительно на одном и том же неизменном уровне, отвечающем новым рыночным условиям. Похоже, что

примерно по такому сценарию развивались события в большинстве постсоциалистических стран. Однако российский опыт вписывается в него лишь частично, поскольку в России нормы отдачи испытали еще один подъем на рубеже 1990–2000-х годов, когда эффект от дерегулирования оплаты труда был уже исчерпан. Еще удивительнее, что они продолжали оставаться высокими во второй половине 2000-х годов, несмотря на непрерывно ускорявшийся рост предложения рабочей силы с высокой формальной подготовкой. Казалось бы, в этих условиях нормы отдачи должны были бы пойти резко вниз, однако этого не произошло, и они продолжали удерживаться на достаточно высокой отметке порядка 8–10%.

3. Несомненно, важным фактором, способствовавшим повышению норм отдачи, могла стать отраслевая перестройка экономики. Однако оценки, относящиеся как к 1990-м, так и к 2000-м годам, показывают, что связь между сдвигами в отраслевой структуре занятости и ростом спроса на дипломированную рабочую силу была достаточно слабой (Капелюшников, 2006). Так, по данным ОНПЗ, в кризисный период 1992–1999 гг. доля обладателей вузовских дипломов в общей численности занятых выросла на 5,2 п.п. Однако вклад в этот прирост межотраслевых факторов составлял лишь 0,4 п.п., т.е. не достигал даже 10%. В посткризисный период ситуация оставалась сходной. По тем же данным, в 1999–2008 гг. доля обладателей вузовских дипломов в общей численности занятых в российской экономике увеличилась на 6,5 п.п. Но из этого прироста на счет межотраслевых сдвигов можно отнести только 1,8 п.п., т.е. не более 25%. Следовательно, спрос на работников с вузовскими дипломами по большей части рос *внутри* отраслей (причем всех), а не в каких-то одних отраслях за счет других.

4. По-видимому, только активной организационной и институциональной перестройкой, захватившей все звенья экономической системы, можно объяснить, почему, несмотря на выход на рынок труда огромной массы выпускников вузов и ссузов, нормы отдачи продолжали удерживаться на достаточно высоком уровне. Возможно также, что с определенного момента к ее влиянию добавилось влияние «смещенного» технического прогресса. Технический прогресс (прежде всего – в форме ИКТ) мог стать дополнительным фактором, еще сильнее «разгонявшим» спрос на высококвалифицированную рабочую силу.

В целом из анализа показателей экономической отдачи от образования можно сделать вывод, что в новых рыночных условиях накопление человеческого капитала стало обеспечивать российским работникам весомые преимущества, которых оно не давало при плановой системе. Бурный приток на рынок труда работников с дипломами вузов и ссузов не смог подорвать тенденцию к возрастанию экономической ценности образования. Высокая окупаемость высшего образования делает объяснимым, почему в пореформенный период молодежь стала предъявлять на него такой активный, непрерывно усиливавшийся спрос. Устойчивые гендерные различия в образовательных «премиях» помогают понять, почему приток в вузы женщин намного превосходил приток мужчин. При этом даже во второй половине 2000-х годов нормы отдачи оставались в зоне высоких значений, сохраняя относительную стабильность. Это предполагает, что расширение предложения труда работников с высокой формальной подготовкой было более или менее синхронизировано с расширением спроса на их услуги.

Таким образом, результаты второго из предложенных нами «тестов» также оказываются отрицательными. И все же нарисованная выше картина может быть признана неоправданно оптимистической. Как уже отмечалось, поддержание норм отдачи на устойчиво высоком уровне может быть результатом одновременного снижения заработков как у более, так и у менее образованных групп работников — например, вследствие перемещения как тех, так и других на хуже оплачиваемые рабочие места по сравнению с теми, которые они занимали ранее. Если при таком перемещении относительные потери в заработках у менее образованных работников, выступающих в качестве референтной группы (скажем, окончивших среднюю школу), оказываются сопоставимыми с аналогичными потерями у более образованных работников (скажем, окончивших вузы), то тогда «окупаемость» вложений в образование может неопределенно долго оставаться высокой.

С учетом такого возможного возражения решающее значение приобретает последний, третий «тест» — о наличии или отсутствии у работников с высоким формальным образованием нисходящей профессиональной мобильности.

3.3. Был ли массовый отток на нижние этажи профессионально-квалификационной иерархии?

О состоянии и динамике человеческого капитала можно судить на основании не только образовательных, но также профессионально-квалификационных характеристик рабочей силы. Если ее распределение по уровням образования отражает структуру предложения человеческого капитала со стороны работников, то ее распределение по профессиям — структуру спроса на него со стороны фирм.

Уровень профессиональной квалификации определяется степенью сложности стоящих перед работниками задач, тогда как ее *специализация* — той предметной областью, к которой относятся требуемые знания и умения. На основании этих критериев Международная стандартная классификация профессий (ISCO-88), а вслед за ней и Общероссийский классификатор занятий (ОКЗ) выделяют 10 укрупненных профессиональных групп, соответствующих четырем основным уровням квалификации. Для группы 1 (руководители) диапазон выполняемых задач считается слишком широким, чтобы его можно было однозначно привязать к определенному уровню квалификации. (Такая привязка оказывается также невозможной для группы 0 — вооруженные силы.) Остальные группы образуют иерархию, упорядоченную с точки зрения требуемой квалификации (Таблица 10). Хотя между уровнями профессиональной квалификации и уровнями формального образования существует тесная связь, строгого взаимно-однозначного соответствия здесь нет: во многих случаях работники с низким образованием оказываются заняты сложными, высококвалифицированными, тогда как работники с высоким образованием — простейшими, малоквалифицированными видами труда.

Распределение российских работников в зависимости от их профессиональной принадлежности в 1997 и 2008 гг. отражено в Таблице 11. Из представленных в ней данных следует, что самые большие относительные приросты наблюдались в этот период у специалистов высшего уровня квалификации (+3,7 п.п.) и работников сферы обслуживания (+3,4 п.п.), а самое сильное сокращение — у неквалифицированных рабочих (–4,1 п.п.). В общей сложности представительство трех первых групп, обладающих наиболее высокой квалификацией, увеличилось на 5 п.п. и их доля в общей численности занятых превысила отметку 40%. Иными словами, сдвиги в спросе на рабочую силу шли в «правильном» направлении — от менее квалифици-

рованных к более квалифицированным профессиональным группам. Но была ли их скорость достаточной, чтобы справиться с огромным наплывом дипломированной рабочей силы?

Таблица 10. Уровни квалификации по основным профессиональным группам

Группы	Уровень квалификации
1. Руководители всех уровней	—
2. Специалисты высшего уровня квалификации	4
3. Специалисты среднего уровня квалификации	3
4. Работники, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием	2
5. Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности	2
6. Квалифицированные работники сельского хозяйства	2
7. Квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр	2
8. Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин	2
9. Неквалифицированные рабочие	1
10. Вооруженные силы	—

Источник: Заработная плата в российской экономике: эволюция и дифференциация, 2007. С. 407–408.

*Таблица 11. Распределение занятых в российской экономике по профессиональным группам, 1997 и 2008 гг., %**

Группы по занятиям	1997	2008
Руководители	6,3	7,0 (7,2)
Специалисты высшего уровня квалификации	15,3	18,5 (19,0)
Специалисты среднего уровня квалификации	15,2	15,2 (15,6)
Служащие, занятые подготовкой информации	3,2	2,9 (3,0)
Работники сферы обслуживания	10,8	13,8 (14,2)
Квалифицированные рабочие сельского хозяйства	2,8	4,1 (1,6)
Квалифицированные рабочие промышленности	16,6	14,8 (15,2)
Полуквалифицированные рабочие	14,5	12,5 (12,8)
Неквалифицированные рабочие	15,3	11,2 (11,5)
Итого	100	100

* По данным ОНПЗ за соответствующие годы. До 1999 г. Росстат не включал лиц, производящих продукцию в ЛПХ для реализации на рынке, в состав занятых.

Поэтому для большей сопоставимости для 2008 г. в скобках дополнительно приводятся оценки о распределении занятых по профессиональным группам при исключении лиц, занятых в «рыночном» сегменте ЛПХ.

Источник: ОНПЗ, 2008.

Данные о распределении работников по уровням образования и видам занятий, приведенные в Таблице 12, позволяют предположить, что это не так и что у значительной части российской рабочей силы полученное образование являлось избыточным по отношению к тем видам труда, которыми она была занята. По самым минимальным оценкам, к тем, чей образовательный потенциал недоиспользуется, можно отнести около 15% работников сферы обслуживания, 20% сельскохозяйственных работников, 40% неквалифицированных рабочих и т.д. (в Таблице 12 соответствующие группы выделены курсивом). Это свидетельствует либо о крайне низком качестве имеющегося у них образования, либо о его нерациональном использовании, когда, обладая высокой формальной подготовкой, они вынуждены заниматься недостаточно квалифицированными видами труда.

Можно предложить достаточно простой подход, позволяющий получить приблизительную оценку разрыва между спросом и предложением высококвалифицированной рабочей силы, который существует в современной российской экономике. В первом приближении все занятия (виды рабочих мест) могут быть разбиты на два больших сегмента — требующие высокой квалификации (уровни 1, 2, 3 по ОКЗ) и не требующие ее (уровни 4, 5, 6, 7, 8, 9 по ОКЗ). Точно так же все работники могут быть разделены на две большие группы в зависимости от полученной ими формальной подготовки — имеющие третичное образование (высшее, неполное высшее, среднее профессиональное) и не имеющие его. Сравнивая число рабочих мест, требующих высокой квалификации (спрос), с численностью экономически активного населения, имеющего высокое образование (предложение), можно получить обобщенное представление о том, в какой мере предложение высококвалифицированной рабочей силы соответствует спросу на нее и как соотношение между ними менялось во времени¹⁴. Избыток предложения будет закрывать доступ к высо-

¹⁴ Впервые такой подход был предложен в работе (Hecker, 1992). Хотя он является достаточно грубым, им, например, активно пользуются эксперты ОЭСР (OECD, 2009).

Таблица 12. Распределение профессиональных групп по уровням образования, 2008 г., %*

Группы по занятиям	Группы работников в зависимости от уровня полученного образования							
	высшее профессиональное	неполное высшее профессиональное	среднее профессиональное	начальное профессиональное	среднее (полное) общее	основное общее	начальное общее, не имеют начального общего	все
Руководители	63,7	1,6	23,5	5,1	5,5	0,4	0,0	100
Специалисты высшего уровня квалификации	90,1	1,5	7,2	0,5	0,7	0,0	0,0	100
Специалисты среднего уровня квалификации	15,1	2,5	67,5	7,2	7,1	0,7	0,0	100
Служащие, занятые подготовкой информации	16,8	3,5	38,8	16,7	22,5	1,7	0,0	100
Работники сферы обслуживания	10,0	2,3	26,7	27,1	29,5	4,2	0,3	100
Квалифицированные рабочие сельского хозяйства	4,6	0,7	14,9	16,2	38,9	19,9	4,7	100
Квалифицированные рабочие промышленности	4,4	1,1	24,2	38,5	26,4	5,0	0,4	100
Полуквалифицированные рабочие	4,3	0,9	21,4	35,6	32,2	5,3	0,3	100
Неквалифицированные рабочие	3,6	1,0	15,8	18,9	44,8	14,1	1,7	100

* Курсивом выделены группы, чей образовательный потенциал недоиспользуется.

Источник: ОНПЗ, 2008.

коквалифицированным занятиям даже работникам с очень высоким образованием, обрекая их на безработицу или заставляя их «оседать» на рабочих местах, не соответствующих полученной ими подготовке. Напротив, избыток спроса будет втягивать в высококвалифицированные занятия даже работников с достаточно низким образованием.

По данным ОНПЗ, в 2008 г. в российской экономике 28,9 млн чел. трудились по профессиям, требующим высокой квалификации (группы 1—3 по ОКЗ), тогда как численность экономически активного населения, имеющего высокое (третичное) образование, составляла 40,9 млн чел. (из них занятыми были 39,3 млн чел.). Разрыв достигал 12 млн, т.е. предложение почти на 30% (!) превосходило спрос. Говоря иначе, примерно для трети работников с дипломами вузов и ссузов на рынке труда физически отсутствовали рабочие места, которые по уровню сложности соответствовали бы полученному ими образованию. В результате они должны были либо пополнять ряды безработных, либо опускаться на рабочие места, где их высокое образование оставалось невостребованным. Таким образом, масштабы недоиспользования человеческого капитала в современной российской экономике оказываются более чем впечатляющими.

Рассмотрение ситуации «в статике» (по состоянию на конец 2000-х годов) позволяет сделать вывод, что в российских условиях спрос на высококвалифицированную рабочую силу явно не дотягивает до ее предложения. Это, казалось бы, дает все основания полагать, что даже в период ускоренного роста российская экономика была не в состоянии генерировать столько «хороших» рабочих мест, сколько требовалось для «переваривания» огромной массы выпускников вузов и ссузов, хлынувшей в нее в эти годы.

Однако рассмотрение ситуации «в динамике» приводит к достаточно неожиданным результатам. Оно показывает, что на самом деле 1999—2008 гг. были не периодом фатального отставания, а периодом резкого *опережения* темпов роста спроса на высококвалифицированную рабочую силу по отношению к темпам роста ее предложения. Об этом свидетельствуют как абсолютные, так и относительные показатели их прироста. По данным ОНПЗ, за 1999—2008 гг. численность экономически активного населения с третичным образованием выросла примерно на 2 млн чел., или на 5%, тогда как численность работников, принадлежащих к трем верхним профессиональным

группам по ОКЗ, — на 7 млн, или более чем на 30%. К концу 2000-х годов руководителей стало больше в относительном выражении на 80%, специалистов высшего уровня квалификации — на 40%, специалистов среднего уровня квалификации — более чем на 10% (Рис. 20). За то же время численность экономически активного населения с высшим образованием (законченным и незаконченным) возросла примерно на 35%, а со средним профессиональным сократилась почти на 15% (при увеличении численности всего экономически активного населения на 5%).

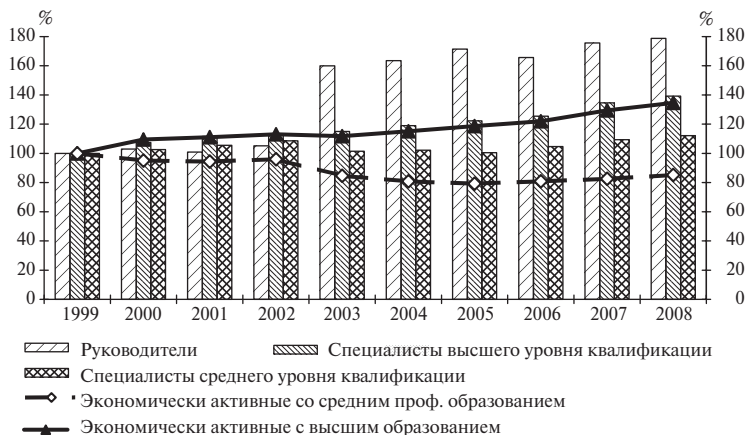

Рис. 20. Динамика спроса и предложения высококвалифицированной рабочей силы, 1999–2008 гг., % (1999 г. = 100%)

Источник: ОНПЗ.

Но этот парадокс лишь кажущийся и объясняется он достаточно просто — тем, что в конце 1990-х годов разрыв между предложением высококвалифицированной рабочей силы и спросом на нее был еще *больше* (причем намного больше), чем в конце 2000-х годов. Так, в 1999 г. численность работников, занятых по профессиям, требующим высокой квалификации, приближалась к 22 млн, тогда как численность экономически активного населения с третичным образованием составляла около 39 млн (из них занятыми являлись 35 млн чел.). «Зазор» достигал огромной величины — 17 млн чел., или 45% в относительном выражении. На вопрос, как и когда именно он сформировался, ответить невозможно из-за отсутствия сопоставимых дан-

ных за более ранние периоды. Можно лишь предположить, что его возникновение относится еще к советской эпохе и что в условиях переходного кризиса он должен был увеличиться еще сильнее¹⁵. Напротив, в последующий период быстрого экономического роста, как следует из приведенных оценок, произошло значительное, хотя и частичное, улучшение: контингент рабочей силы с третичным образованием, занятой в сегменте рабочих мест, не требующих высокой квалификации, заметно сократился как абсолютно, так и относительно.

Насколько аномально выглядит российская ситуация в межстрановой перспективе? В Таблице 13 представлены данные о распределении работников в возрасте 25–64 лет с третичным образованием по группам занятий с высокой и с невысокой квалификацией за 1999 и 2008 гг. Для сравнения в ней приводятся аналогичные оценки за 1998 и 2006 гг. по странам ОЭСР (OECD, 2009).

По международным меркам доля работников с третичным образованием, занятых на рабочих местах, не требующих высокой квалификации, оказывается в России очень высокой: более 45% в начале указанного периода и свыше 30% в его конце. Контраст со странами ОЭСР, где она не достигает 20%, очевиден. Этот почти двукратный разрыв можно рассматривать как свидетельство того, насколько нерационально, в сравнительных терминах, используется человеческий капитал, имеющийся в российской экономике. Из развитых стран только три демонстрируют примерно такую же высокую степень недоиспользования рабочей силы с третичным образованием, как Россия в настоящее время. Это — Испания, Канада и США. Впрочем, здесь вновь необходимо напомнить о специфическом статусе российского среднего профессионального образования, которое, по видимому, лишь отчасти может квалифицироваться как «третичное»

¹⁵ Первоначально при проведении ОНПЗ Росстат пользовался традиционным «советским» классификатором занятий. Это делает данные о профессиональной структуре рабочей силы, относящиеся к первой половине 1990-х годов, несопоставимыми с данными, относящимися к более поздним периодам. Если все же попытаться оценить на их основе долю работников с третичным образованием, занятых по профессиям, не требующим высокой квалификации, то оказывается, что в 1992 г. она уже приближалась к 30%, а к 1996 г. выросла почти до 40%. Сравнив эти оценки с оценками, относящимися к концу 2000-х годов, можно сделать вывод, что бурный посткризисный рост российской экономики способствовал снижению масштабов недоиспользования накопленного ею человеческого капитала до уровней, наблюдавшихся в конце существования советской системы.

Таблица 13. Доля работников с третичным образованием, занятых на высококвалифицированных рабочих местах, Россия и страны ОЭСР, %

	Группы работников по возрасту					Прирост в группе 25/34 года, п.п.	Прирост среди всех работников 25/64 года, п.п.
	25–34 года	35–44 года	45–54 года	55–64 года	25–64 года		
Россия – 1*							
2008 г.	69,4	68,8	67,6	68,1	68,5	+16,2	+11,7
1999 г.	53,2	55,5	60,8	63,2	56,8	—	—
Россия – 2**							
2008 г.	83,7	87,0	87,2	85,2	85,7	+5,5	+3,5
1999 г.	78,2	81,8	85,7	85,6	82,2	—	—
ОЭСР*							
2006 г.	79	82	85	86	82	–1	–2
1998 г.	80	85	87	88	84	—	—

* С использованием базового определения, относящего к третичному образованию высшее, неполное высшее и среднее профессиональное образование.

** С использованием скорректированного определения, относящего к третичному образованию только высшее и неполное высшее образование.

Источники: ОНПЗ, 1999; ОНПЗ, 2008; OECD, 2009.

(см. выше, раздел 2.1). При его исключении российские показатели становятся почти неотличимыми от средних показателей для стран — членов ОЭСР. Так, оказывается, что в 2008 г. из российских работников с высшим образованием (законченным и незаконченным) менее 15% трудились по профессиям, не предполагающим высокой квалификации (Таблица 13).

Но какой бы подход мы ни использовали — базовый (с включением среднего профессионального образования в состав третичного) или скорректированный (с исключением среднего профессионального образования из состава третичного), расчеты свидетельствуют, что за период 1999–2008 гг. доля работников с высоким образованием, работающих по профессиям, где необходимо иметь высокую квалификацию, резко увеличилась. Кумулятивный прирост составил +11,7 п.п. при использовании базового и +3,5 п.п. при использовании скорректированного подходов.

Расхождения между динамикой спроса и динамикой предложения могут неодинаково отражаться на положении работников, при-

надлежащих к разным возрастным группам. Наиболее уязвимой к ним обычно является молодежь, лишь недавно вступившая на рынок труда после завершения образования. Так, общим местом, наверное, можно считать мнение о том, что приток на российский рынок многочисленного контингента выпускников вузов и ссузов привел к резкому ухудшению их позиций на рынке труда — к тому, что все большая их часть была вынуждена «оседать» в профессиях, не требующих высокой квалификации. Однако реальная ситуация, как можно заключить из Таблицы 13, была прямо противоположной. За 2000-е годы доступ недавних выпускников вузов и ссузов к высококвалифицированным профессиям не только не сократился, но, напротив, заметно расширился. Прирост составил 16 п.п., если использовать базовый, и около 6 п.п., если использовать скорректированный подход¹⁶.

Иными словами, в посткризисный период спрос на высокообразованную рабочую силу в российской экономике не только не отставал от ее предложения, но рос с явным опережением. Его удовлетворение осуществлялось за счет активного «втягивания» в сегмент высококвалифицированных рабочих мест все большей доли выпускников вузов и ссузов. Если в 1990-е годы при вступлении в трудовую жизнь многим из них приходилось довольствоваться рабочими местами, не требующими высокой квалификации, то к концу 2000-х годов ситуация изменилась: их шансы на то, чтобы после получения образования занять места руководителей, специалистов высшего или среднего уровней квалификации, заметно возросли. (Интересно, что в странах ОЭСР в эти годы наблюдался обратный процесс: там шансы молодых людей с третичным образованием на получение работы, требующей высокой квалификации, пусть немного, но уменьшались — кумулятивное падение составило чуть более 1 п.п.)

Анализ сдвигов в профессиональной структуре занятости помогает понять, почему в 2000-е годы, несмотря на бурный приток ра-

¹⁶ Конечно, улучшение соотношения между объемом спроса и объемом предложения высококвалифицированной рабочей силы не исключает того, что соотношение между структурой спроса и структурой предложения могло в этот период ухудшиться, т.е. доля выпускников вузов и ссузов, хотя и попадающих на верхние этажи профессионально-квалификационной иерархии, но при этом занятых не по тем специальностям, на которые они учились, могла возрасти. Развернутый анализ этой формы недоиспользования человеческого капитала см. в работе (Российский работник: образование, профессия, квалификация, 2011. Гл. 5).

бочей силы со все более высоким формальным образованием, нормы отдачи человеческого капитала оставались высокими. Он объясняет также причины непрерывно возрастающего спроса на третичное образование со стороны молодежи. В условиях, когда сегмент рабочих мест по профессиям руководителей, специалистов высшего и среднего уровней квалификации с каждым годом становился все шире, это была вполне рациональная инвестиционная стратегия.

4. Заключение

Какие же наиболее общие выводы позволяет сделать наш анализ?

С количественной точки зрения человеческий капитал, которым располагает российская экономика, является одним из самых значительных в мире. В переходный период спрос на третичное образование (в первую очередь — высшее) стремительно рос, так что по формальным признакам российская рабочая сила стала еще более образованной, чем она была в начале 1990-х годов. По доле работников с третичным образованием Россия является мировым лидером, а по доле работников с высшим образованием входит в группу наиболее продвинутых стран.

При этом эскалация предложения рабочей силы с высокой формальной подготовкой не привела к сколько-нибудь заметному падению экономической ценности образования. Нормы отдачи быстро повышались на начальном этапе переходного процесса, еще более увеличились на рубеже 1990—2000-х годов и затем сохраняли относительную стабильность до конца 2000-х. Хорошая окупаемость вложений в человеческий капитал (на уровне 8—10% в год) во многом объясняет причины ускоренного притока молодежи в систему третичного образования. Здесь — по отдельности и совместно — действовали многие факторы: декомпрессия заработков вследствие дерегулирования оплаты труда, лучшая адаптивность более образованных работников, отраслевые сдвиги в структуре занятости, технологический прогресс. Но главным из них явилось то, что в условиях перевода экономики из планового в рыночный режим функционирова-

ния спрос на высококвалифицированную рабочую силу с определенного момента стал расти быстрее ее предложения.

Действительно, лавинообразный приток на рынок труда работников с дипломами вузов и ссузов, казалось бы, неизбежно должен был обернуться их перепроизводством. Можно было ожидать, что для них резко повысится риск безработицы; что размеры «премий» за полученное ими образование сократятся; что им придется в массовом порядке перемещаться на худшие рабочие места, где их знания и навыки будут оставаться невостребованными. Однако ничего этого не произошло. В 2000-е годы шансы на нахождение занятости у работников с третичным образованием не ухудшались, а непрерывно улучшались; экономическая отдача от него оставалась высокой; начался активный переток работников с таким образованием из менее квалифицированных в более квалифицированные профессиональные группы.

Основным «мотором» этого процесса, по-видимому, выступала институционально-организационная (и отчасти — технологическая) перестройка экономики, которую невозможно было осуществить без привлечения больших отрядов рабочей силы с высоким образованием и высокой квалификацией. Этот активный рост спроса носил во многом компенсационный характер и стал реакцией на дисбалансы в структуре занятости, возникшие еще в плановую эпоху и усилившиеся в период переходного кризиса. Он внес серьезные коррективы в структуру российской занятости, обеспечив перераспределение достаточно большого числа работников с дипломами вузов и ссузов из сегмента рабочих мест с низкой в сегмент рабочих мест с высокой квалификацией.

Однако несмотря на это по масштабам недоиспользования накопленного человеческого капитала Россия занимала и занимает одно из лидирующих мест в мире. Не менее трети всех работников с третичным образованием трудятся на рабочих местах, не требующих высокой квалификации. Это означает, что знания и навыки, полученные ими в системе формального образования, либо не находят применения, либо отличаются настолько низким качеством, что закрывают их обладателям доступ к «хорошим» рабочим местам. Быстрый экономический рост позволил несколько смягчить остроту проблемы. Но даже после этого разрыв между количеством работников с высоким формальным образованием и количеством рабочих

мест на верхних этажах профессионально-квалификационной иерархии все равно оставался огромным.

Каковы же возможные пути дальнейшей эволюции человеческого капитала в России? Более предметно этот вопрос можно переформулировать так: был ли период ускоренного экономического роста лишь временной передышкой или спрос на дипломированную рабочую силу сможет и дальше расти по меньшей мере теми же темпами, что и ее предложение?

Со стороны предложения картина выглядит достаточно однозначно. Инерция сложившихся тенденций вряд ли сможет претерпеть сильные изменения в среднесрочной и даже долгосрочной (до двух поколений) перспективе. При сохранении нынешних показателей охвата молодежи обучением в вузах и ссузах (а оснований ожидать, что они почему-либо могут пойти вниз, нет) к середине столетия российская рабочая сила будет как минимум на 80% состоять из обладателей третичного образования, причем на две трети — высшего. Даже активный приток малообразованной рабочей силы из-за рубежа, по-видимому, едва ли сможет переломить этот тренд. Если же согласиться с тем, что даже при самых благоприятных вариантах экономического развития Россия, скорее всего, так и останется страной со средним по мировым меркам уровнем ВВП на душу населения, то это будет означать, что напряжение между чрезвычайно высоким (по формальным признакам) образованием российской рабочей силы и не слишком высокой производительностью ее труда будет сохраняться и даже нарастать.

Ситуация на стороне спроса выглядит гораздо менее определенно. Анализ недавнего прошлого не дает оснований для однозначного прогноза, как российские предприятия будут реагировать на дальнейший рост предложения рабочей силы с высоким формальным образованием. «Не заметят» его или же отреагируют на него созданием новых высококвалифицированных рабочих мест, перестраивая для этого свою технологическую и организационную базу? Теоретически возможны оба этих крайних сценария. Однако наиболее вероятным представляется промежуточный вариант, предполагающий ограниченную адаптацию. В таком случае все большему числу будущих обладателей третичного образования придется занимать низкоквалифицированные рабочие места, не требующие значительных инвестиций в человеческий капитал. Как следствие, к середине столетия контингент

«избыточно образованных» работников на российском рынке труда может оказаться намного масштабнее, чем даже сейчас.

Ключевой фактор, от которого будет зависеть выбор конкретной траектории развития, — это величина совокупных издержек, связанных с созданием «хороших» рабочих мест. В современной российской экономике эти издержки очень часто остаются запретительно высокими. Но создание высококвалифицированных рабочих мест невозможно без значительных инвестиций и тесно связано с осуществлением технологических и организационных инноваций. В этом смысле низкие темпы создания «хороших» рабочих мест можно рассматривать как оборотную сторону недостаточной инвестиционной и инновационной активности российских предприятий, которая в свою очередь является прямым результатом неблагоприятного делового климата.

Не будет преувеличением сказать, что устойчиво высокие темпы создания «хороших» рабочих мест могут поддерживаться только в дружественной по отношению к предпринимательству институциональной среде. Но поскольку в российских условиях шансы на ее формирование в ближайшей перспективе, по-видимому, невелики, то трудно ожидать, что сегмент высококвалифицированных рабочих мест сможет расширяться темпами, сопоставимыми с прогнозируемыми темпами увеличения численности рабочей силы с высокой формальной подготовкой. Иными словами, спрос на работников с дипломами вузов и сузов с каждым годом, скорее всего, будет все сильнее и сильнее отставать от ее предложения.

При таком их соотношении вероятным представляется сценарий, при котором в долгосрочной перспективе в российской экономике сформируется жестко сегментированный рынок труда. Такой рынок будет располагать достаточно ограниченным набором высококвалифицированных рабочих мест — с высокой заработной платой, официально оформленными трудовыми контрактами, благоприятными условиями занятости, широкими возможностями для карьерного роста и т.д. Из-за дефицита таких «хороших» рабочих мест доступ к ним будет открыт лишь для ограниченного числа соискателей. Всем остальным — независимо от их формального образования — придется довольствоваться худшими рабочими местами: с низкой заработной платой, малопривлекательными условиями занятости, широким распространением неформальных и полуформальных трудовых кон-

трактов, отсутствием возможностей для карьерного роста и т.д., где накопленный ими человеческий капитал будет оставаться невостребованным. Формирование такого жестко сегментированного рынка труда способно заблокировать большую часть социальных лифтов, так как реальные возможности для вертикальной мобильности будут сохраняться только в самом верхнем сегменте, состоящем из «хороших» рабочих мест.

Реализация подобного сценария чревата всеми теми негативными последствиями, которых российскому рынку труда до сих пор удавалось в значительной мере избегать. Среди них: высокая безработица среди работников с третичным образованием (как следствие отказа от «плохих» рабочих мест в ожидании «хороших»); падение «премий» за высшее образования (поскольку оно станет всеобщим); дальнейшая возгонка образовательных стандартов — от массового бакалавриата — к массовой магистратуре, от массовой магистратуры — к массовому второму высшему образованию (поскольку, чтобы находиться в начале «очереди» за «хорошими» рабочими местами, нужно все время быть на шаг впереди других); масштабное недоиспользование накопленного человеческого капитала (из-за массового «оседания» работников с дипломами вузов и ссузов на нижних этажах профессионально-квалификационной иерархии). Еще опаснее, если значительная часть дипломированной рабочей силы окажется вообще вытесненной с рынка труда.

Вполне возможно, что российская экономика уже вплотную приблизилась к черте, за которой может начаться резкое увеличение масштабов недоиспользования высококвалифицированной рабочей силы и падение экономической ценности образования. Это чревато размыванием тех преимуществ, которые в российских условиях дает (пока) накопление человеческого капитала. Очевидно, что такой вариант развития событий сопряжен не только с огромными потерями в экономической эффективности, но и с непредсказуемыми социальными и политическими последствиями. В итоге вместо высокопродуктивной экономики знаний в России может сформироваться нечто противоположное — не имеющая аналогов и прецедентов *экономика невостребованных знаний* (или даже *псевдознаний*), контуры которой пока еще не вполне ясны.

Литература

1. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Лукьянова А.Л. Спрос на труд и квалификацию в промышленности: между дефицитом и избытком // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 11. № 2. С. 163–199.
2. Заработная плата в российской экономике: эволюция и дифференциация / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.
3. Капелюшников Р.И. Структура российской рабочей силы: особенности и динамика // Вопросы экономики. 2006. № 10.
4. Капелюшников Р.И. Записка об отечественном человеческом капитале: препринт WP3/2008/01. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. Серия WP3 «Проблемы рынка труда».
5. Образование в России. М.: Госкомстат, 2002.
6. Образование в Российской Федерации: 2010. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010.
7. Полетаев А., Савельева И. Спрос и предложение услуг в сфере среднего и высшего профессионального образования в России // Обзор экономики России. 2002. № 2 (34). С. 79–118.
8. Российский работник: образование, профессия, квалификация / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2011.
9. Российское образование в контексте международных показателей. Сопоставительный доклад. М.: Аспект Пресс, 2003.
10. *Acemoglu D.* Why Do New Technologies Complement Skills? Directed Technical Change and Wage Inequality // *The Quarterly Journal of Economics*. 1998. Vol. 113. No. 4. P. 1055–1089.
11. *Autor D.H., Levy F., Murnane R.J.* The Skill Content of Recent Technological Change: An Empirical Exploration // *The Quarterly Journal of Economics*. 2003. Vol. 118. No. 4. P. 1280–1333.
12. *Barro R.J., Lee J.W.* A New Data Set of Educational Attainment in the World, 1950–2010. NBER Working Paper No. 15902. W.: NBER, 2010.
13. *Becker G.S.* Are Too Many Young People Going to College? (<http://www.becker-posner-blog.com/2011/03/index.html>).

14. *Berman E., Bound J., Machin S.* Implications of Skill-Biased Technological Change: International Evidence // *The Quarterly Journal of Economics*. 1998. Vol. 113. No. 4. P. 1245–1279.
15. *Bils M., Klenow P.J.* Does Education Cause Growth? // *American Economic Review*. 2000. Vol. 90. No. 5. P. 1160–1183.
16. *Card D., Di Nardo J.* Skill Biased Technological Change and Rising Wage Inequality: Some Problems and Puzzles. NBER Working Paper No. 8769. 2002.
17. *Dougherty Ch.* Why is the Rate of Return to Schooling Higher for Women Than for Men? CEP Discussion Paper No. 581. L.: CEP, 2003.
18. *Flabbi L., Paternostro S., Tiongson E. R.* Returns to Education in the Economic Transition: A Systematic Assessment Using Comparable Data // *Economics of Education Review*. 2008. Vol. 27. No. 6. P. 724–740.
19. *Fleisher B., Sabirianova K., Wang X.* Returns to Skills and the Speed of Reforms: Evidence from Central and Eastern Europe, China, and Russia // *Journal of Comparative Economics*. 2005. Vol. 33. No. 2. P. 351–370.
20. *Gorodnichenko Y., Sabirianova K.* Returns to Skills in Russia and Ukraine: A Semiparametric Approach to Cross-Country Analysis // *Journal of Comparative Economics*. 2005. Vol. 33. No. 2. P. 324–350.
21. *Harmon C., Oosterbeek H., Walker I.* Returns to Education: Microeconomics // *Journal of Economic Surveys*. 2003. Vol. 17. No. 2. P. 115–155.
22. *Hecker D.E.* Reconciling Conflicting Data on Jobs for College Graduates // *Monthly Labor Review*. 1992. Vol. 115. No. 7. P. 3–12.
23. *Krugman P.* Degrees and Dollars // *New York Times*. 2011. March 7. P. A21.
24. *Liang J.* Evolution of the Labor Market in a Rapidly Developing Economy. A Preliminary Draft. 2011, April.
25. *Mincer J.* *Schooling, Experience and Earnings*. N.Y.: Columbia University Press, 1974.
26. OECD. *Education at Glance*. Paris: OECD, 2005.
27. OECD. *Education at Glance*. Paris: OECD, 2009.
28. *Nelson R.R., Phelps E.S.* Investments in Humans, Technological Diffusion, and Economic Growth // *American Economic Review*. 1966. Vol. 56. No. 2.

29. *Psacharopoulos G., Patrinos H.A.* Returns to Investment in Education: A Further Update // *Economics of Education*. 2004. Vol. 12. No. 2. P. 111–134.

30. *Sabirianova Peter K.* Skill-Biased Transition: The Role of Markets, Institutions, and Technological Change. IZA Discussion Paper No. 893. Bonn: IZA, 2003.

31. *Schultz T.* The Value of the Ability to Deal with Disequilibria // *Journal of Economic Literature*. 1975. Vol.13. No. 3. P. 827–846.

32. *Spitz-Oener A.* Technical Change, Job Tasks and Rising Educational Demands // *Journal of Labor Economics*. 2006. Vol. 24. No. 2. P. 235–270.

33. *Trostel P., Walker I., Woolley P.* Estimates of the Economic Return to Schooling for 28 Countries // *Labour Economics*. 2002. Vol. 9. No 1. P. 1–16.

34. *World Development Indicators*. Washington: World Bank, 2009.

Препринт WP3/2011/09
Серия WP3
Проблемы рынка труда

Капелюшников Ростислав Исаакович

**Спрос и предложение высококвалифицированной
рабочей силы в России: кто бежал быстрее?**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 3,95
Усл. печ. л. 3,95. Заказ № . Изд. № 1375

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
Тел.: (499) 611-24-15